

ЗВЁЗДОЧКА

ДЕТСКО - ЛЕНИНГРАД - 1964

Где обнародованы постановления Президиума Верховного Совета СССР, имеют право обжаловать, подавая заявление в Конституционный Суд СССР в течение 30 дней со дня издания.

В случае нарушения конституции СССР для решения Конституции имеют право обжаловать также граждане СССР, давшие подписи под конституцией СССР.

За форму: проект статьи 120-й Конституции
Г-н Конституции, 2.

ЗВЁЗДОЧКА

Сборник
стихов, рассказов,
сказок
и загадок

2

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства
Прошвещения
РСФСР
Москва - Ленинград
1954

23642

59

Общество и личность М. Митин
Письма из архива О. Бонч-Бруевич
Том 1. Книга 1

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
"СОЮЗПЕЧАТЬ"
1925 г.

С

Содержание
Письма М. Митина к О. Бонч-Бруевич
Письма О. Бонч-Бруевич к М. Митину
Письма М. Митина к О. Бонч-Бруевич
Письма О. Бонч-Бруевич к М. Митину

Привет родному краю

С песней звонкой детский сад выходит.
Радуются солнцу малыши.
С ними ветер разговор заводит.
— Подожди ты, ветер! Не спеши!

Перед нами жизнь. Она большая.
Перед нами светлые пути.
Расскажи нам о родимом крае,
С нами, ветер, рядом полети.

— Расскажу, ребята, обо многом:
Хорошо я знаю край родной.
Я летел по голубым дорогам,
Высоко над нашей страной.

Был я на цветущей Украине,
Где хлеб в полях стеной стоит,
Где растут и созревают дыни
И чудесный, сладкий виноград.

Пролетал по ледяной пустыне,
Где бураны лютые метут,
Где в суровой Арктике на льдине
Храбрые зимовщики живут.

К голубому я летал Дунаю,
К пограничным нашим берегам...
Снова я повсюду бываю
И привет от нас родному краю
С песенкою нашей передам.

Я пёсёлый, вольный и крылатый,
Мне открыты дали всех дорог...
— Хорошо! — ответили ребята,
Ты лети скорее, ветерок!

Г. Виноградов

Встреча

Под Москвой в Горках живёт у меня приятель, старый рабочий Василий Иванович Дернов.

Приехал я к нему летом рыбу ловить. Взяли мы мережу и пришли с ним на речку. Речка эта небольшая, а мережа у нас длинная.

— Давай,—говорю я,—поставим мережу поперёк реки.

— Ну, нет,—отвечает он,—на такую рыбалку я тебе не товарищ.

— Почему?

— Да так, причина есть.

Удивился я. А он задумался и спрашивает:

— Хочешь, я расскажу тебе одну историю?

Бросил я мережу на траву. Сели мы.

— Это было давно,— начал он.— А вот помнится, как сейчас. Пришли мы с братом Иваном, вот так же, как с тобой, сюда на речку. Опустили мережу в воду вокруг камышей. Потом взяли палки и давай колотить по воде, загонять рыбу в сеть. Так поступали, пошумели, вытащили сетку. А рыбы-то одна малость. Вот Иван и говорит: „Давай перегородим речушку. Ни одна рыба мимо не пройдет. Вся наша будет“. Я и согласился.

Перегородили мы реку сеткой, взяли по палке и разошлись в разные стороны. Иван ушёл далеко. Видно, хотел согнать рыбу со всей реки. А я остался здесь, поблизости. Похожу, постучу да отдыхаю.

— Ва-с-си-иль, — кричит брат, — стучи, стучи...

Ну что будешь делать! Стучу. И слышу—в стороне кто-то разговаривает. Обернулся. Вижу: лодка плывёт. А в ней два человека. Грести они перестали, меня разглядывают. Один человек на меня смотрит очень пристально. Даже глаз один прищурил и зловывается. Пригляделся я к нему, да и обмер. Батюшки, это же Ленин!

— Здравствуйте, — говорю, — Владимир Ильич.

А он, верно, дивится моей работой и спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, что это такое вы делаете?

— По воде, — говорю, — стучу. — Самому неудобно, что перед Ильичом в таком виде предстал.

А брат ещё портит дело. Кричит что есть мочи: „Стучи, стучи!“ Да еще ругается.

Объясняю Ильичу, что, мол, это мой брат Иван тоже стучит.

— По какой надобности? — спрашивает он.

— Рыбу в сеть загоняем.

— Так, так, так. А позвольте спросить вас, — какая сеть?

— Тройная, Владимир Ильич, трёхстенная.

— Какой размер ячеек?

— В один палец. Вон она стоит.

Привстал он, бросил быстрый взгляд на сетку, голову склонил вот так и говорит:

— Не хорошо. Очень не хорошо. Вы знаете, вы ведь совершенно закрыли проход для рыбы. Так ведь вашей сеткой можно истребить мелкую рыбу, которая должна расти. А ей необходимо расти. Что вы на это скажете?

Ну, что я мог сказать на такую правду? Готов в воду окунуться. Вот, брат, какое положение было.

А он еще меня спрашивает, какая у меня семья, тяжело ли живётся и как „Трёхгорка“ работает — фабрика наша. Потом извинился, что отвлек меня от моего занятия. И лодка с Ильичом осторожно, с поднятыми вёслами проплыла через нашу мережу. Ни одного поплавка не задела.

Вот как оно было дело, — вздохнул Василий Иванович, закончив свой рассказ, и задумчиво продолжал глядеть куда-то в даль реки.

В. Нарский

На лодке

Однажды в выходной день товарищ Киров сказал своему шофёру:

— Давай-ка, Михайлыч, прокатимся сегодня по Неве. На лодочке, а? Да заодно и искупаемся.

— На лодке? Можно и на лодке, — сказал шофёр. Он был рад, что Сергей Миронович собрался отдохнуть. Товарищ Киров очень много работал и мало отдыхал.

Так и порешили: автомобиль — обратно в гараж, а сами — на Неву.

Киров выбрал лодочку полегче, шофёр прикрепил на корме небольшой мотор. Сели и поехали.

Сидит Сергей Миронович в лодке, улыбается. Снял с себя макинтош, снял фуражку. Поглядел вокруг — и зажмурился: вся Нева в солнечных зайчиках.

Бросил кусок хлеба чайке. Птица подхватила с воды добычу и так круто взмахнула крылом, что обрызгала Кирову френч.

— Ах ты, невежа! — погрозил Киров. — Это ты вместо благодарности?

— Денёк-то, денёк, Сергей Миронович! — нахваливал шофёр. — Только и отдыхать. Куда же мы направимся?

— А знаешь что? — сказал Киров, подумав. — Давай-ка доедем до нового завода, который вчера осматривали. Хороший завод, — а как он, интересно, выглядит с обратной стороны, с Невы?

Шофёр направил лодку вверх по реке.

Сначала лодка плыла между гранитных набережных, мимо больших красивых домов и тенистых парков. Потом кончился город, река стала шире, и открылись зелёные берега. Их обгоняли теплоходы с нарядной толпой пассажиров на палубах. Звонко раскатывались по воде звуки музыки.

Вот уже стали видны и корпуса нового завода; над ними возвышались розовые, еще не закопчённые, кирпичные трубы.

Немного осталось доехать, как вдруг погода начала портиться. По небу побежали тяжёлые рваные тучи. Стало темно, как в сумерки. Собралась буря.

Шофёр зябко поёжился.

— Сергей Миронович, — сказал он в тревоге, — пожалуй, не доедем...

А Киров:

— Давай вперёд, давай!

Вокруг уже никого: нарядные теплоходы, рыбачьи челноки и даже птицы — всё попряталось.

Шоферу сделалось не по себе.

— Сергей Миронович, поворачиваю к берегу! — И он навалился на руль.

Но тут рванул ветер, отбил лодку в сторону от берега и потащил её по реке. На Неве расходились волны. Лодка то излетала стремительно вверх, то проваливалась между шипящими пенными гребнями. Хлынул дождь — и скрылись берега.

Лодочный моторчик, часто стуча, работал во всю мочь и всё-таки едва справлялся с бурным течением и ветром. И вдруг шофёр увидел возле борта высоко-выпадающие из воды камни. Чёрные, мокрые, они были окружены бурлящей пеной. Ударится лодка о камень — и конец, шепок не соберёшь.

— Сергей Миронович! — закричал шофёр. — Пропали мы... Спасайтесь! — и, не зная, что делать, начал быстро разуваться.

Но Киров и сам уже увидел, что лодку несёт на пороги.

— Спокойно, Михайлыч, спокойно...

Он вставил вёсла в уключины — и давай грести.

— Берём! В сторону! Ещё, ещё...

Киров грёб частыми крепкими ударами.

Течение влекло лодку на пороги, но Киров направлял её в сторону, на чистую воду... Приналёг на вёсла сильнее — и лодку пронесло мимо острых чёрных камней.

Тут Киров, вздохнув полной грудью, стал грести широкими, плавными взмахами.

— Сергей Миронович, выплыли! Выплыли! — смеялся и кричал шофёр. — К берегу! Давайте скорей к берегу!

— Где же тут к берегу?—Киров только мотнул головой. — Да ты посмотри, какое там делается!

Под крутым пустынным берегом было бело. Там кипели и высоко всплёскивались волны.

Нельзя пристать. Лодку затопит.

— Гребём к плоту, — сказал Сергей Миронович. Тут шофёр увидел недалеко плот на причале.

Волны свободно проходили под брёвнами, лишь раскачивая плот. Пристали к плоту. А когда улеглась буря, тогда причалили уже как следует, к берегу.

Выскочил Киров из лодки, а с него — вода в три ручья.

Он рассмеялся: „Вот и искупались!“

И принялся выжимать фуражку:

— Завод тоже посмотрели!

И тут же добавил, нахмурившись:

— А с приборкой медлят; долго ли до пожара! Видал, сколько брёвен, досок и ненужных обрезков на заднем дворе?

Шофёр не нашёлся, что и сказать...

Где уж там обрезки, он и завода-то не приметил в этой передрыге!

Н. Григорьев

Олины заботы

Как-то весной привезли в один рыбхоз на Волге икру рыбы кутум. Рыба эта очень вкусная, и её решили развести в рыбхозе.

Рыбовод Оля, которой поручили заботиться об икре, поместила её в особый ящичек с сеткой; через него всё время протекала вода. Вскоре из каждой икринки выклюнулся крошечный уродец—голова да хвостик, а посередине—пузырь. Это был рыбный детёныш—малёк. А пузырь был его желточным мешочком, в котором был запас пищи впрок. Рыба-мать снабдила таким мешочком каждого; так что им первое время не надо было ни о чём заботиться: живи себе потихоньку да кормись своими запасами.

Хорошо, дружно выклюнулись мальки. Оля опу-

стила в реку садок — деревянный ящик с сетчатыми стенками — и пересадила туда мальков.

Прошло несколько дней. Мальки жили в садке. Наблюдая за ними, Оля заметила, что желточные мешочки стали у них меньше. Подрастают мальки. И вот тут-то, вместо того, чтобы радоваться, — Оля забеспокоилась.

Встревожило её то, что запаздывала весна: дул студёный ветер, и хотя лёд на реке давно прошёл, но вода разлилась мало, и искусственный пруд был еще без воды. Значит, и мальков выпустить будет некуда.

Но это полбеды, они еще маленькие, и в садке поживут. А грозила и настоящая беда: вода в реке холодная, и не развелись еще там разные крохотные рачки, личинки, червяки, мелкие водоросли... Всё это вместе планктоном называется. Планктон — первый корм мальков, когда они сами начинают добывать себе пищу.

„Вот, — думает Оля, — съедят мои мальки запас из желточных мешочков, захочется им есть, а кушать-то и нечего!“

Смотрит Оля на мальков и тихонечко им шепчет, будто они что понимают: „Маленькие вы мои, растите помедленнее! Пожалуйста!“

И всё проверяла Оля, как ветер, — не затихает ли?

Нет, дует ветер, злой, холодный!

У мальков с каждым днём желточные мешочки всё меньше становятся.

Что же делать?

И вот наступил день, когда мальки из маленьких уродцев превратились в стройных серебристых рыбок. Какие красивые они стали, как бойко заплавали!

Радоваться бы, глядя на них. А Оля чуть не плачет.

Смотрит Оля на мальков: они плавают быстро-быстро, будто ищут чего-то. Ну, ясно, они голодны.

Полошёл старик — сторож дядя Вася, ласково сказал:

— Брось, девушка, горевать. Что поделашешь! С ветром не поспоришь. Стихия — и всё.

— Нет не всё, — крикнула Оля. Она схватила ведро и деревянную рамку, на которую была натянута тонкая, прозрачная, но очень густая марля, и быстро пошла от реки.

— Куда, доченька? — окликнул дядя Вася. Оля не ответила. Она вспомнила, что видела недалеко маленький пруд, где сохранилась вода с прошлого года. И она спешила туда.

Пруд был мелкий, и вода была там теплее, чем в реке: её успело немного нагреть солнышко. Оля зачерпнула ведро воды, стараясь брать сверху, — будто пенку снимала. Она медленно процедила воду сквозь марлю. Поставила ведро и стала рассматривать рамку. Марля была чистая, только

потемнела от воды. Оля пролила ещё ведро и снова посмотрела на материну. Ничего!

Тогда, упрямо закусив губу, стала она лить ведро за ведром — без передышки.

Она остановилась только тогда, когда сильно заболела спина.

Взглянула на марлю и вскрикнула от радости: лёгкая зеленовато-серая паутинка виднелась на тонкой материи.

Это был планктон — рыбий корм. Но как мало его было!

Девушка снова схватилась за ведро.

И вот Оля опять возле своих мальков. Она очень устала: болят плечи, спина, даже ноги дрожат. Но всё это пустяки! В руках у неё баночка с водой: там горсточка настоящего планктона.

— Ну, ребятки, обедать!

Оля осторожно опускает в садок драгоценную добычу. Ах, если бы вы видели, как весело засуетились мальки, бросаясь туда, где лёгкая мусть разошлась по воде!

Каждый день чуть свет торопилась Оля на пруд — добывать корм малькам. Нелёгкое это было дело: ведер сто приходилось процеживать сквозь марлю, чтобы набрать горсточку планктона.

Но зато рыбки-то были живы, а это самое главное! Они хорошо подрастали, и теперь Оля радовалась этому. И хотя корма им надо было добывать всё больше, но ведь и солнышко помогало Оле!

Наконец весна победила. Ветер стих. Волга разливалась всё шире. Открыли шлюзы, и вода залила рыбхоз.

И, выпуская мальков кутума в нагретую солншком воду, где уже много было корма малышам, Оля сказала старину сторожу:

— Вот мы и поспорили с ветром, дядя Вася.

К. Морозова

Солнцу

Солнце золотое,
Не жалей лучей,
Брызни над рекою
Ярче, горячей!
Солнышко, свети нам
Летом день-деньской
И лицо, и спину
Бронзою покрой.
Если же захочешь
Ты покинуть нас, —
Делай это ночью
Или в „тихий час“!

Е. Рамзин

Керюшка

НИТАЯ ЖИЛИЦА

Мы переехали в новую большую и светлую комнату. Мама радовалась и говорила:

— Квартира у нас должна быть чистая, как стёклышко! Всего четверо жить будем. Мы с тобой, да полковник с женой на днях переедут. Ты, смотри мне, попробуй тут грязь развезти, неряха!

А я и не буду. Когда паркет так блестит,—ноги точно сами вытираются о коврик и сорить как-то неудобно...

Раз я вернулся из школы, а наша дверь на лест-

инцу открыта и вносят в квартиру всякую мебель. Значит, приехали новые жильцы. Я вошёл в кухню отнести хлеб, да так и остановился.

На полу сидело что-то мохнатое, чёрное и смотрело на меня блестящими глазами.

— Не бойся, мальчик, собака не укусит. Кéри! — позвала высокая женщина, входя за мной на кухню.

Собака встала, и я рассмеялся. До чего потешная! Голова большущая, с половину туловища. Острые ушки и хвост морковкой — торчат вверх. Шерсть над глазами фонтанчиком падает на длинный нос. Лапы — короткие и толстые столбики. Когда сидит собачка, — на медвежонка похожа. Встанет, — не знаю, на кого... И вдруг я вспомнил:

— О! Я же видел её в цирке! Это Манюня. Клоуны Каранд'Аш с ней выступал!

— Нет, не Манюня. Просто такая же порода, — сказала женщина. — Ты мой сосед, наверное? Давай познакомимся. Меня зовут Мария Петровна.

— А я Володя. Это щенок или взрослая собака?

— Ей шесть месяцев.

Я хотел погладить Кери, да она поджала хвост и спряталась за Марию Петровну.

МАМА ЗНАКОМИТСЯ С СОБАКОЙ

Когда мама пришла с работы, Кери выбежала в переднюю. Мама, как увидела её, даже кошёлку уронила и говорит:

— Фу-ты, что за леший такой!

Кери залаяла, и белые клыки стали видны. Мама подняла кошёлку и повторила:

— Прямо леший чёрный. И на собаку не похожа. Замолячи ты!

Мария Петровна вышла и забрала Кери в комнату.

А мама весь вечер расстраивалась:

— Вот и пожилы в чистоте! Натирала пол, старалась! Уже всюду наследила эта собака. Теперь грязи не оберёшься.

Маму не переспоришь. А по-моему, собака замечательная! Только имя не нравится. Странное какое-то — Кери.

ПЕРВАЯ ПРОГУЛКА

Просил я Марию Петровну пустить меня вдвоём с Кери погулять. Она не соглашалась:

— Нет, еще отпустишь поводок, она под машину или троллейбус попадёт.

А с Марней Петровной идти не хочу. Ребята со двора засмеют, скажут: „Маленький, с тётенкой и собачкой гуляет“. Вот с полковником я бы сразу пошёл. Мне бы все завидовать стали. У полковника много, много боевых орденов! А над бровью глубокий шрам. Мария Петровна говорила, что его ранили, когда он Сталинград защищал от немцев.

Но полковник сам никогда не ходит с Кери. Наверно, потому, что сильно занят. Много работает и еще пишет какую-то научную книгу. Некогда ему собачкой заниматься.

Старался я подружиться с Кери. Я к ней подойду, она положит хвост—и от меня! Мария Петровна рассказала, что один мальчишка на улице подшиб Кери камнем. Оттого она всех детей боится.

Наконец я не выдержал и как-то пошёл с ними в сад недалеко от нас. На белом снегу Кери ещё чернее казалась. Мария Петровна отпустила поводок, подняла щепку и бросила. Кери понеслась за ней, я перехватил щепку, и пошла возня! Мы бегали, веселились. А я крикнул:

— Кёрюшка!

— Как славно! Кёрюшка. Так и будем звать её.— сказала Мария Петровна.

После этой прогулки Кёрюшка перестала меня бояться, но я чуть не испортил всё.

НЕ БЕЙ СОБАКУ!

Я был в плохом настроении. Ещё бы! Вчера завозился с Керюшкой, не приготовил урок, а сегодня по арифметике двойку получил. И, конечно, был сердит на Керюшку. Она что-то не послушалась меня, и я замахнулся на неё. А Мария Петровна сказала:

— Никогда не бей собаку, я тебе уже говорила. Она станет злой и трусливой. Старайся уговорить лаской. Не поможет, — покричи на неё. Только не бей. Видишь, как меня слушается Керюшка? А я ни разу её не ударила.

КАРАСЬ

Мария Петровна принесла карасей из магазина, положила их в таз, а рыбы проснулись и поплыли. Нельзя их жарить теперь! Я решил снести их в школьный уголок юннатов.

А пока мы пустили карасей в ванну. Керюшка полновалась, прыгала. Да не заглянуть ей за борт ванны. Мала. Я подвинул ей стул, чтобы она могла видеть, как плавают рыбы.

Керюшка подняла уши. Смотрит, хвостом-морковкой виляет. Потом перегнулась... Старается лапой карася достать. Заскользила... хотела удержаться... Как плюхнется в воду! Барахтается, брызги кругом летят.

Рыбы в другой угол забились.

Даже мама смеялась. И не ругала меня за мокрую куртку. Когда я Керюшку из воды тащил, — весь перепачкался.

КЕРЮШКА СЛУШАЕТ

Пока у Марии Петровны варился обед, она сидела на табуретку, а Керюшка — возле её ног. Мария Петровна спрашивала:

— Кто сегодня хотел укусить щенка?

Керюшка отворачивалась, на пол смотрела.

— Ну хорошо, не будем ссориться. Я вижу, тебе стыдно.

И Мария Петровна начинает разговаривать, ласково так. А Керюшка наклонит большую голову набок, поднимет острые ушки и слушает. Скосит чёрные глаза на Марию Петровну, и станут видны белки. Блестящие, как шёлк.

Очень нравится Керюшке такие разговоры. Она долго может сидеть и слушать. А спросит Мария Петровна:

— Где жили караси?

Керюшка сразу в ванную бежит.

ДАЛЬШЕ ПРОТЯЖИ

Мария Петровна стала пускать нас вдвоём. Почти каждый день после школы мы уходили с Керюшкой гулять. Ходили мы по разным улицам. Я смотрел, как строят дома, проводят газ.

Когда нужно было переходить дорогу, я оглядывался по сторонам и говорил:

— Побежали!

И мы неслись, чтобы нас не задавили.

По панели Керюшка идёт ровненько. Уши прижимёт назад, хвост опустит, торопится. Сразу какая-то длинная становится. Иногда я окликну её. Она повернёт голову, мелькнут белки... и Керюшка ещё быстрее засеменит лапками-коротышками.

Дети, а иногда и взрослые не давали нам покоя. Почти никто не проходил равнодушно. Вот, например, что говорили:

— Смотрите, собаке чужую голову приставили!

— Что это? Цигейка?

— Мальчик, зачем ты собачке ноги подрезал?

— Вот урод!

— Какая хорошенькая собачка!

А одна девочка спросила:

— Мальчик, скажите, пожалуйста, это у нас чернобурая лисица?

Когда кругом смеялись, Керюшка лаяла так, что задыхалась. Будто она понимала и обижалась. А я терпел и молчал. Полезешь в драку с каким-нибудь мальчишкой — куда собаку денешь? Еще ей попадет. Нельзя!

А в общем, нам было хорошо.

После таких прогулок она ни за что не хотела идти в парадную, упиралась изо всех сил и тянула меня назад.

УИНАЯ ГОЛОВА

Я любил смотреть, как Мария Петровна печатала на машинке для книги полковника. У неё так быстро пальцы бегали! Интересно.

Раз я слышу — она печатает. Стучу в дверь, захожу, а Керюшки нет. Куда же она делась? Иду в кухню и вижу: мама обедает, а Керюшка на полу что-то ест.

— Как, мамочка, ты лешего кормишь? — удивился я.

— Что же, и лешему есть хочется... ну, хватит, иди прочь, — заворчала на Керюшку мама.

А Керюшка вскочила на стул, заглянула в мамину тарелку и таякнула.

— Это что? дай, мол, еще? — засмеялась мама, — вот так леший! Уиная голова!

Вечерами Мария Петровна часто уходит заниматься на курсы.

Полковник ездит по командировкам, а когда он работает дома, Керюшка всё равно не сидит с ним.

К полковнику и моей маме Керюшка относится одинаково: вежливо повилает хвостом, но старается обойти их подальше.

В комнате под моим столиком постелен половик. Когда я вечером готовлю уроки, Керюшка ложится на половик, кладёт голову мне на ноги и засыпает.

Я уже сделаю уроки, а Керюшка всё греет мои ноги и спит...

Мне жалко её будить. Я ещё раз повторяю стихи, проверю задачи. Мне тепло и самому не хочется двигаться...

А Керюшка тихо так спит... Лапы и хвост подобрала — не видно. Лежит мохнатый круглый комочек и ровно дышит.

Потом уж и устану сидеть на месте, а посмотрю на Керюшку — не могу её потревожить. Она так доверчиво прижалась к моим ногам...

И вот, из-за Керюшки я и приучился хорошо делать уроки. В третьем классе это не так просто!

В этом году июнь был очень жаркий. Мы часто ходили к речке, но я никак не мог заставить Керюшку влезть в воду. Кину палочку, сам возле берега шлёпаю. Не идёт! Только лает или протяжно так и тоненько скулит. Мария Петровна говорила, что Керюшка не скулит, а свистит. И правда. Особенно, если слушать издали. Совсем как будто свистит.

В воду Керюшка, наверно, боялась лезть после того случая с карасями, когда она плюхнулась в ванну.

В воскресенье один знакомый пригласил полковника покататься на машине. Конечно, Мария Петровна взяла меня и Керюшку.

Мы поехали на Карельский перешеек к озеру Красавица. Керюшка всю дорогу смотрела в окно и лаяла на коров и коз.

Озеро действительно очень красивое. Большое,

с разнообразными берегами — то низкими, то обрывистыми.

Я полез купаться. Плаваю я не особенно хорошо, зато умею нырять. И вот, я поплыл немножко и нырнул.

Потом высовываю голову из воды, а Мария Петровна кричит:

— Володя, скорей обратно! Смотри, Керюшка плывёт к тебе. Еще потонешь!

Полковник уже раздевается, спешит к нам на помощь.

Но мне ближе до Керюшки добраться.

Уже стоять, оказывается, можно. Вода мне по плечи.

Плывёт Керюшка, лапами коротышками работает. Тяжело ей — голова большая. Пригнула уши, фыркает, задыхается.

Я схватил её, прижал к груди. Глупая ты моя! Спасать меня кинулась!

А Керюшка трясётся, дышит тяжело. Видно, наглоталась воды. Шерсть намокла, обвисла. Какая-то худенькая стала Керюшка. Дружок мой хороший.

НЕ ВСЕГДА МОЖНО

У нас с Керюшкой была игра. Я возьму её за нос, а она рычит, мотает головой. Вырвется, схватит мою руку зубами и осторожно так покусывает.

Как-то пришёл к Марии Петровне её племянник, Генка. Противный такой мальчишка, толстый. Воображает. Одет здорово: в пиджаке с хлястиком и в жёлтых полуботинках.

Мне с ним разговаривать неохота. Стал я с Керюшкой играть. Бегаю, за нос её дёргаю.

Генке завидно стало. Он подошёл и схватил Керюшку за нос. Храбрость свою показывает. Как он смеет её трогать! Точно это его собака!

Керюшка молчит, не вырывается.

Я хотел отогнать Генку, да он сам отпустил нос.

А Керюшка мигом как цапнет его за большой палец!

Генка хоть и большой, — рёв устроил невозможный.

Конечно, ему все кинулись ранку перевязывать. Пошли тут бинты, вод. Кровь капает.

Так ему и надо. Нечего к чужой собаке лезть.

Потом я слышал, как Мария Петровна жаловалась маме, что она со своим братом из-за Генки ссорится. Что Генку очень балуют. Если так будет продолжаться, — не станет он настоящим советским человеком.

Полковника назначили на новую работу, и ему надо было уезжать очень далеко. Мария Петровна ехала с ним. Керюшку они не могли взять с собой. Что делать?

Я так просил маму оставить Керюшку у нас! Но мама ни в какую. Раскричалась ужасно. Да и Мария Петровна говорила:

— Нет, что ты! Твоя мама занята, — за собакой уход нужен. Меня просит брат отдать ему Керюшку. Придётся так и сделать.

Я был в отчаянии. Мария Петровна меня утешала:

— Правда, брат далеко живёт, но ты будешь по воскресеньям навещать Керюшку. Обязательно мне всё подробно пиши.

А я решил ни за что не ходить. Не хочу смотреть, как этот Генка будет распоряжаться Керюшкой!

Когда брат Марии Петровны приходил за Керюшкой, я ушёл из дома.

И не поехал провожать полковника на аэродром. Я не мог.

Я не знал, чем заняться в нашей опустелой квартире. В кухне я нашёл забытую алюминиевую миску, из которой ела Керюшка, и чуть не разревелся, как девочка.

Мама даже забеспокоилась. Звала меня в кино. Я ничего не хотел.

Никогда не думал, что на свете может быть так скучно.

Прошла неделя. В школе занятия еще не начались, а дома было так плохо! Каждая вещь напоминала прежнее несвое житье...

Как-то вечером я вышел в переднюю почистить

сапоги. Вдруг слышу где-то близко свист... еще и еще...

Не может быть! Я подбежал к двери, открыл — и в переднюю ворвалась Керюшка!

На дворе шёл дождь, и Керюшка была ни на что не похожа. Грязная шерсть висела сосульками, глаза слезились, лапы-столбики дрожали.

Я боялся, — что скажет мама! А она поднесла Керюшке миску тёплого супа! Я хотел налить ещё, но мама сказала:

— Сразу нельзя. Собака, наверно, нас долго искала. Не ела, может, два дня. Голодный желудок нельзя перегружать.

Потом мама засучила рукава и сказала:

— Владимир, принеси мне корыто из ванной.

— Зачем, мама? Неужели ты будешь так поздно стирать бельё?

— Не бельё, а твоего лешего. Вон, грязнуший какой!

Мы вымыли Керюшку. Вытирая её простынёй, я спрашивала маму:

— Что теперь будет? Неужели отдать Керюшку? Она ведь сама нашла нас, бежала через весь город одна...

— Нечего собаке назад и вперёд мотаться! Пусть здесь живёт! — сердито ответила мама.

Я крепко расцеловал её. Но вскоре я снова огорчился:

— А брат Марии Петровны узнает и потребует отдать ему Керюшку!

— Ты напиши Марии Петровне, чтобы она тебе оставила собаку. Адрес у тебя есть?

— Да, но письмо долго идёт...

Мама достала из сумки деньги и сказала:

— Ладно уж. Пошли ей утром телеграмму.

— Мамочка, миленькая! Я сейчас сбегую!

— Нет, сейчас поздно.

— Почта напротив, я мигом. Разреши. Ты сегодня такая хорошая!

На почте мне помогли составить телеграмму. Я волновался и не мог соображать.

Мама постелила Керюшке кусок старого одеяла на полу. Мы все улеглись, мама потушила свет. А Керюшка прыгнула ко мне из кровати и тихонько поползла к моему лицу. Я обнял её большую голову, и мы заснули.

На другой день пришёл ответ Марии Петровны.

Я прочёл и хлопнул телеграммой Керюшку по носу. Она схватила её зубами.

— Осторожно, не порни, — сказал я, — это важная бумага. В ней разрешено не расставаться нам с тобой никогда.

А. Кривеньков

Рыбка

Мама подарила Вите аквариум и рыбку.

Рыбка была вся какая-то светлая, весёлая, и Витя очень скоро привык к ней.

Он знал, что рыбка тоже полюбила его, потому что он был хороший и заботился о ней. Каждое утро он кормил её мелкими сушёными дафниями из бумажного пакетика, только воду в аквариуме мама меняла сама. Аквариум был тяжёлый, и мама боялась, что Витя разобьёт его.

Однажды к Вите пришёл его товарищ из соседней квартиры — Алик. Он подбежал к окну, увидел аквариум на подоконнике и закричал:

— Ой, какая вода мутная! Давай переменки!

Витя хотел сказать, что мама не позволяет ему менять воду и всегда меняет сама, но вспомнил, что она в соседней комнате сидит над бумагами, которые сегодня принесла с работы, и щёлкает на счётах, решил, что она не узнает, и сказал:

— Давай.

Мальчики взяли аквариум с двух сторон и осторожно, стараясь не расплескать воду, потащили на кухню. Аквариум оказался не такой уже тяжёлый. Они легко дотащили его до раковины. Раковина помещалась рядом с плитой. Плита была старая, её давно никто не топил, потому что в другом конце кухни стояла новенькая блестящая газовая плита.

Мальчики поставили аквариум одним концом на раковину, а другим — на плиту, потом Витя влез на табуретку и стал придерживать его у раковины, а Алик начал приподнимать его с другого конца. Когда вода полилась, рыбка захотела выскочить вместе со струёй. Витя подставил руку, чтобы задержать её, но рыбка ударилась о его ладонь, подскочила, упала на плиту и вдруг провалилась в щёлку.

— Ой! — крикнул Витя, бросил аквариум и, перескочив с табуретки на плиту, так и прилип к щёлке.

Алик еле удержал аквариум двумя руками, рас-

плескал остатки воды, но поставил его на пол, только после этого он тоже забрался к Вите и заглянул в щель. Щель была узенькая, между кирпичами и чугунной плитой.

Витя уже пробовал доставать рыбку рукой. Рука не пролезала. Тогда он просунул туда пальцы, дотронулся до рыбки и нечаянно протолкнул её вбок, под чугунную плитку.

— Что же теперь делать? — Витя, морщась, чтобы не заплакать, растерянно посмотрел на Алика.

Алик оглянулся, увидел на плите большой кухонный нож и схватил его, собираясь просунуть в щельку.

— Не смей! — закричал Витя. — Ты зарежешь рыбку, — и так ударил Алика по руке, что тот выронил ножик.

— Я же хотел дырку расширить и рыбку достать, — сердито сказал Алик, — а теперь она умрёт.

— Да она уже умерла, наверно! — Витя махнул рукой и отвернулся. У него защипало в носу, так ему стало жалко эту хорошую весёлую рыбку, но тут он подумал, как рассердится мама, и испугался.

— Знаешь, — сказал он, сползая с плиты на табуретку, а с табуретки на пол, — давай не скажем маме!

— А если она узнает? — спросил Алик.

— Не узнает. Мы опять нальём вот столько воды, — Витя провёл рукой по стеклу аквариума, — и потихоньку снесём на окно, как будто рыбка там. Давай?

Он взял со стола жестяную кружку и, не дожидаясь

даясь Алик, начал наливаться воду. Алик ещё раз заглянул в щёлку, соскочил с плиты и решительно сказал.

— Нет. Пойдём сейчас и расскажем твоей маме.

— Вот так раз!

Витя даже выронил кружку. Кружка стукнулась об пол, перевернулась и отлетела в сторону. Алик, не оглядываясь, вышел из кухни. Витя постоял, подумал и поплёлся за ним. Все равно ведь расскажет.

У порога комнаты, в которой сидела Витина мама, мальчики остановились.

Мама подняла голову, увидела их вытянутые лица и сразу спросила:

— Что случилось?

— Мы воду в аквариум налили... — начал Алик.

— Что? Аквариум разбили? — спросила мама, поднимаясь из-за стола.

— Да нет, мама, она в плиту провалилась. Она умерла... рыбка... — в отчаянии залепетал Витя. — Вот пойдём!

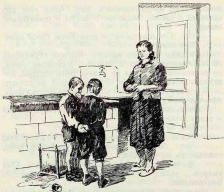
Мама молча отодвинула стул и вместе с мальчиками торопливо прошла на кухню.

Кухня была залита водой. На полу стоял до половины налитый аквариум и валялась пустая кружка.

Мама осмотрела щёлку в плите, взяла топор и осторожно приподняла чугунную плиту.

Неузнаваемая, чёрная от сажи, лежала рыбка под плитой. Мама взяла неподвижную рыбку в руки, немножко помыла её под краном и положила в аквариум. Рыбка так и осталась лежать на боку.

Витя и Алик пришли и наклонились над аквариумом.

— Ой, хоть бы она ожила! Рыбка, оживи, — шептал побелевшими губами Витя.

И вдруг рыбка слабо шевельнула хвостом, выпрямилась и медленно поплыла.

— Жива-а! — вскакивая и размахивая руками от восторга, закричал Витя. — Жива! Мама, смотри! — Он бежал к аквариуму и опять подсел к Алику.

— А если бы мы не сказали твоей маме, что было бы? — шепнул Алик.

Витя сейчас же представил себе, как умирала бы рыбка в тёмной грязной дыре, и притих.

Мама долила аквариум, отнесла в комнату, поставила на подоконник, сказала: „Не трогайте рыбку, она еще не оправилась“, — и опять пошла щёлкать на счётах.

Мальчики, затаив дыхание, стали наблюдать за рыбкой.

Рыбка действительно сделалась не такая, как всегда. Тёмная, потускневшая, она плавала медленно и всё прижималась к стенкам аквариума.

— Это потому, что она очень испугалась, — шепотом, чтобы ещё больше не напугать её, сказал Витя. — Да, Алик?

Но Алик даже не повернул головы; выпятив губы и нахмурив лоб, он не отрываясь смотрел на рыбку.

Рыбка плавала, тёрлась боками о стенки и становилась всё светлее и светлее.

— Ой, да это она чистится! — догадался Алик и вдруг закричал: — Смотри!

Мальчики прижались носами к аквариуму. Что-то мутное, длинное тянулось за рыбкой; от этого хвост рыбки казался необыкновенно большим, а рыбка — незнакомой и странной.

— Знаешь, это просто к ней паутина прицепилась, — сказал Алик. — Там, в плите её сколько хочешь.

Неожиданно рыбка опустилась на дно, потом метнулась вверх и избавилась от паутины.

— Вот хорошо! — обрадовался Витя и испуганно подтолкнул Алика локтем. — Смотри, с ней что-то опять случилось!

Теперь вся рыбка покрылась мелкими прозрачными пузырьками и стала такая же пупырчатая, как

игрушечная рыбка с новогодней ёлки. Мальчики с любопытством и удивлением разглядывали её.

— Это воздух залез под чешуйки, когда она лежала в плите, а теперь вылезает пузырьками, — сказал Алик.

Но Витя не поверил, — наверное, она просто заболела, и им с Аликом придётся теперь дежурить у аквариума всю ночь. Он хотел сказать об этом Алику, но за Аликом пришёл папа и увёл его, а Витю мама уложила спать.

Витя долго не мог заснуть и всё думал, что рыбка, наверно, ночью умрёт, и виноват в этом будет он.

Утром Витя проснулся рано и босиком, в одной рубашке бросился к окну. Рыбка была жива. Светлая, блестящая, как всегда, она опять весело плавала и играла в аквариуме.

М. Габдуллин

Как книга состарилась

В новенькой книжке
На третьей странице
Прыгали в клетке
Щегол и синицы.
— Вот так картинка! —
Воскликнул Пахом.
Вырвал щегла
И наклеил в альбом.
В верхнем углу
На странице девитой
Пасся у речки
Козёл бородатый.

Эту страницу
С портретом козла
Вырвала Люба,
Домой унесла.
Были в той книжке
Пантера,
Волчица,
Слон,
Носорог,
Бегемот
И лисица.
Нет больше в книжке
Ни птиц,
Ни зверей:
Их растаскали
Фома и Андрей.
Вредная Люба
И злые мальчишки
Век сократили
У новенькой книжки.
Где-то на полке
Пылится она:
Больше она никому не нужна.

И. Седов

Зонтик

Дима и Толик стояли в парадной и с тоской смотрели на улицу.

С неба лились целые потоки воды. Это был не дождь, и даже не ливень, а настоящий потоп.

Хорошо тем, кто в обыкновенной рубашке и штанах. В таком случае пробежаться под ливнем даже весело.

Но Дима и Толик возвращались с репетиции концерта самодеятельности. На них была форма —

новая, свержающая: белые шёлковые рубашки и яркие шёлковые галстуки. Завтра утром открывается пионерский слёт. Он начнётся с парада на Дворцовой площади—с настоящего парада, как у военных!

Друзья стоят в подъезде уже давно. Скоро десять часов вечера. Но разве выйдешь в такой парадной форме под этот ливень! До завтра ещё необходимо сберечь. Зонтик! Он кажется сейчас мальчишкам самой лучшей вещью на свете.

Что же делать? У быстрого и шустрого Димки мысли проносятся вихрем, и увалень Толик выжидательно смотрит на него. Димка ловит на выдумку, но даже и он не может найти выхода... А время шло. Но вот в парадную вошли мужчина и женщина с зонтиком... Зонтик! И вдруг Дима решился.

— Простите, пожалуйста, — обратился он к вошедшим, — пожалуйста, одолжите нам зонтик! — и Дима, тараторя, как пулемёт, рассказал им всё — и про слёт и про парад. — Мы вам его хоть сегодня же принесём обратно. Вы не думайте... Мы ведь пионеры...

— Хотите, я дам вам до завтра свой перочинный ножик? В нём три лезвия, штопор, шило... целых семь предметов! — добавил Толик.

Взрослые молча переглянулись.

— Надо выручить ребят, — сказал мужчина.

Женщина решительно протянула мальчикам зонтик.

— Возьмите, — сказала она, — никаких залогов нам не надо, дайте только честное пионерское, что принесёте. Зонтик нам нужен завтра в восемь часов утра. Квартира наша номер 6.

— Честное пионерское, — хором сказали мальчики и извали зонтик. Почти приклеившись друг к другу, они выбежали на улицу, но сразу вскочили обратно.

— Вот так номер! — сказал Дима. — Всё равно мы замочим по одному боку. Под зонтиком двоим не укрыться.

— Факт, замочим, — ответил Толик и покорно стал ждать, пока Дима что-нибудь придумает.

— Ага, придумал! — сказал Дима, — ты сядешь на меня верхом, ну, на плечи мне, и возьмёшь в руки зонтик.

— Что ты! — испугался Толик. — Я же толстый!

— Ну, вот еще, — сказал Дима, — я в лагере поднимал, знаешь, какую бочку с водой, — еще и не такую, как ты, а раза в полтора потолще!

— А форму-то я тебе помню...

— Ой, да! — спохватился Дима. — Как же быть? — И вдруг хлопнул себя по лбу. — Есть, придумал! Я тебе отдам зонтик и мою форму, а сам, так и быть, побегу прямо под ливнем.

— Хитрый, — сказал Толик, — давай лучше я тебе отдам зонтик и мою форму, а сам, так уж и быть, побегу под дождём.

— Эх ты, — сказал Дима, — такую форму еще не всякому доверишь и нести! А ты отказываешься!

И Дима тут же быстро снял форму, затем привязал ещё и ботинки под самый верх зонтика, отдал Толику и побегал, весело шлёпая по лужам. Толик шёл чинно, сознавая всю важность порученного ему дела, а Димкины ботинки раскачивались на ходу, как два маятника, только навстречу друг другу.

— Жалко, что никто так и не видел, как мы путешествовали, — сказал Толик, вбегая в парадную.

— А вот и видел! — вдруг раздался голос.

Ребята обернулись и увидели мальчика. На нём была такая же великолепная форма, как и у них.

„Тоже с репетиции“, — сразу поняли они.

— Вот, стою здесь уже столько времени, — сказал мальчик, — а он всё льёт, как заведённый.

Димка, Толик и раскрытый зонтик так и застыли на месте.

Наконец Толик сказал:

— М-мы тебе очень сочувствуем... — и потупился.

— Что мне сочувствие! — мрачно протянул мальчик и вдруг, восторженно, сказал:

— Ребята, выручите, одолжите зонтик! Я вам, когда скажете, его обратно принесу. Меня зовут Вячеслав Голубев. Я никогда в жизни не обманывал. Хотите, я вам в залог ботинки оставляю?

Димка и Толик молчали, уставившись друг на друга. Димкино лицо выражало усиленную борьбу мыслей. Брови его поднялись острыми уголками, а губы даже шевелились от напряжения.

У Толика на лице была полная растерянность.
— Ботинки хорошие, вы не думайте, — сказала Слава, почти теряя надежду.

— Да понимаешь, — сказал, наконец, Дима, — зонтик-то не наш... Нам самим его на веру дали. Чужие люди... А завтра, чуть свет, надо его отнести.

— А, вот оно что, — сказал Слава, и лицо у него стало совсем печальным, — раз чужой, тогда, конечно, нельзя...

— Толька, — сказал Дима, — ведь чужой зонтик нельзя же отдать? Ведь мы же под честное пионерское взяли...

— Ясно, нельзя... Ясно, под пионерское... — подтвердил Толик.

Слава уже больше не смотрел на ребят. Он стоял, с бессильной ненавистью глядя на дождь. Но мальчики не уходили.

— Толька, а что если дождь на полночи зарыл, а?

— Факт, на полночи, — не усомнившись, подтвердил Толик.

— Толька, а нам ведь поверили? — задумчиво сказал Дима.

— Факт, поверили.

— Знаешь, что, — вдруг сказал Дима, — давай и мы поверим!

— Ясно, поверим, — сразу согласился Толик.

Слава оживился и скорей начал расшнуровывать ботинок.

— Да ну тебя! — сказал Димка. — Нужен нам твой ботинок, как карасю тросточка! Давай честное пионерское и беги. Только запомни, что зонтик должен

быть у нас в семь часов утра, иначе мы к восьми не успеем его отнести.

...Когда Слава вбежал в свой подъезд, он натолкнулся на девочку. Она всхлипывала, и две её косички подрагивали в такт.

— Ты чего это тут? — спросил Слава.

Девочка сперва испуганно его оглядела, потом сказала:

— Да вот! — она показала рукой на дождь, — я стою здесь уже так давно... — девочка всхлипнула, — и после болезни, и мне нельзя попадать под дождь, я опять, — она снова всхлипнула, — слягу. Уже так поздно... Мама, наверное, так волнуется!

— Плакать — это последнее дело, — солидно сказал Слава, — перестань реветь.

— Да, да. Вы... вы правы, — девочка старательно утерла платком нос и перестала всхлипывать. — Плакать я больше не буду, — решительно добавила она и... заплакала ещё громче.

Слава колебался не более двадцати секунд.

— На... — сказал он мрачно, — держи! — и протянул зонтик. Вид у него был такой, как будто он отдавал что-то самое дорогое.

Девочка во все глаза смотрела на него.

— Ой, спасибо... Какой вы... — она долго подбирала слово, — вежливый... Но только вы же меня совсем-совсем не знаете...

— Знаю... То есть не тебя знаю, знаю, что принесёшь, — и Слава рассказал девочке всё.

— Понимаешь, если ты не принесёшь мне зонтик завтра в 6 часов 30 минут утра, мы все обманем тех людей.

— Зонттик будет у нас даже в 6 часов 15 минут! — торжественно сказала девочка и шагнула к двери.

— Погоди, — сказал Слава, — дело есть.

Люся остановилась.

— У тебя ноги какие, длинные?

— Ноги?.. А что, надо сбегать куда-нибудь? Вообще-то ноги у меня длинные, хотя и худые...

— Зрасте, пожалуйста! При чём тут худые или толстые?.. Мне надо знать: ты туфли-то какие носишь? Большие?

— А, вот что? У меня тридцать четвёртый размер.

— Ну пот, давно бы так. Подожди меня! — и Слава убежал.

Через две минуты он вернулся и неловко протянул девочке боты.

— На... Сестрёнкины... Ей пока не нужно.

...Когда девочка, в двенадцатом часу ночи, прибежала домой, на маме лица не было.

— Как хорошо, Люсенька, — обрадовалась мама, — что ты под зонтиком и в ботах! Откуда это у тебя? Ну, беги скорее в комнату, а я зонтик спрячу.

Но едва успела Люся войти в комнату, как мама вошла вслед за ней с зонтиком в руках. На лице её было полное недоумение.

— Люся, откуда у тебя наш зонтик?

— Мамочка, это совсем даже не наш, это просто похож.

— Да нет, это наш! Вот на нём папа даже мою иша нацарапал.

— Да нет же, мамочка, это кто-то другой что-то другое нацарапал!

И Люся, торопясь и захлёбываясь, рассказала всё.

— И главное, — быстро говорила Люся, — что завтра ровно в шесть часов утра я должна отнести зонтик Славе. Слава к семи часам отнесёт его Диме, а Дима к восьми часам отнесёт его к тем людям.

Пока Люся рассказывала, мама с папой лукаво переглядывались, и вдруг оба разом весело рассмеялись.

— До чего же славные мальчишки! — сказала мама.

— Вот видишь! — радовался папа. — Я всегда тебе говорил, что они способны не только бить стёкла своим „футболом“!

— Доченька, — сказала мама, — можешь завтра спокойно спать и никуда не ходить. Это мы дали мальчикам зонтик.

— Вы?.. Это наш зонтик?.. Ой, мама, папа! Какие же вы у меня молодцы!.. — Но вдруг Люся встала из-за стола, лицо у неё стало строгим:

— Как это „можешь спокойно спать“? А зонтик-то я должна отнести? Мальчики ведь не знают, что зонтик у себя дома.

— Да-да, — сказал папа, — положение сложное... придётся действительно нести зонтик.

...Люся, мама и папа просыпались по очереди

каждые двадцать минут и смотрели на часы — боялись проспать.

— Подумать только, — вздыхала про себя мама, — не спать всю ночь только для того, чтобы унести из дому свой собственный зонтик и через два часа получить его же обратно!

...В шесть часов утра Люся вскочила с постели.

— Люсенька, — сказала мама, — ты хоть зонтик с собой не тащи, пойди просто и скажи.

— Что ты, — сказала Люся, — Слава серьезный человек: раз брал зонтик у Димы под честное пионерское, — значит, должен зонтик и вернуть. А боты? Их ведь тоже надо отнести.

...Ровно в 7 часов 45 минут утра зонтик, описав обратный круг, снова очутился у себя дома. Мама и папа были готовы к его приёму. Папа даже надел по этому поводу китель и застегнул его на все пуговицы.

Впрочем, в этот день зонтик уже никому не был нужен. Погода была великолепная, и парад на Дворцовой площади обещал быть на славу.

Р. Ларина

Лесные стихи

Здравствуй, лес!

Здравствуй, лес,
Дремучий лес,
Полный сказок и чудес!

Ты о чём шумишь листвою
Ночью тёмной грозовою?
Что нам шепчешь на заре, —
Весь в росе, как в серебре?

Кто в глуши твоей таится, —
Что за зверь?
Какая птица?
Все открой, не утай,
Ты же видишь, —
Мы свои.

СВЯТЫЕ ГЛАЗА

Много есть у леса глаз.
Все тайком глядят на нас.

Волк сверкнул недобрым глазом:
„Вот бы всех да слопать разом!“
Заяц в ельнике притих:
„Ружья, может быть, у них?!”

Муравей из норки глянул:
„Ой, какие великаны!“
Мишка фыркнул из куста:
„Фу, какая мелкота!“

Из дупла сова на нас
Знай таращит круглый глаз.
Зря, сова,
Таращишь глаз, —
Всё равно
Не видишь нас!

КТО БЕРЕЗКУ НАДЛОМИЛ?

Кто берёзку надломил?
Видно, тут медведь бродил.
Неуклюжий ты, медведь,
Надо под ноги глядеть!

Мы берёзке ствол подвинжем,
Уходи, кудриной скажем:

— Ты не сохни,
Не болей,
Поправляйся поскорей!

ПРО ГРИБЫ

Ишь, поганка-егоза! —
Так и лезет на глаза:
Так и лезет,
Да без толку, —
Не возьмём её в кошолку!

Гриб хороший, настоящий
Притаился где-то в чаще.
Всю обшарим, обойдём, —
Всё равно его найдём!

ЭХО

Мы бродили
Темным бором,
Мы спросили
Громко хором:
— Дома ль бабушка Яга-а?..
Бор ответил нам:
„Ага-а!..“

ТИШИНА

Сядь на камень под сосну.
Лесную слушай тишину.
Журчит, лепечет ручеек
О том, что путь далёк-далёк...

Упала шишка.
Скрипнула сух.
Жужжит, жужжит тяжёлый жук...
Листья рассказывает сны...
И вдруг не стало тишины.

Это дятел,
Серый дятел
Барабанит,
Словно спятил.

ЛУЖАЙКА

— Эй, зелёная лужайка,
Чем богата, — угощай-ка!

— Угощу на славу всех:
Вот — в орешнике — орех.
Вот — под ёлку загляни-ка! —
Краснощёкая брусника.
Вот родник студёный, —
Пей...
Есть чем потчевать гостей!

ЛУЖИНОК ПЕРКАЛО

Блещет лужица у ёлок,
Точно зеркала осколок.
Сам себя увидел ёж:
„До чего же я хорош!“

ЧЬИ ПРОДЕЛКИ?

С ёлки шишки
Хлоп да хлоп!
Саше — в спину,
Маше — в лоб.
Это чьи еще проделки?
Знаем, знаем, —
Рыжей белки!

РАЗГОВОР С ЛЕСНИКОМ

— Кто вы, дедушка, такой?
— Я лесник, ребятаки.
Обхожу участок свой, —
Всё ль в лесу в порядке?
Ночью буря бушовала;
Нет ли где-нибудь завала?
Как растут мои дубки?
Не грызут ли их жуки?
— А зачем у вас двустволка?
— На разбойника на полка;
Берегитесь, волк и рысь;
Ястреб хищный, берегись!

ЧТО ЗА КУСТ?

Куст ветвистый над ручьём...
Поглядим-ка, подойдём.
Вдруг подпрыгнул куст —
И в лес,
В чаще сумрачной исчез.

Это лось
Глухой тропой
Приходил на водопой.
Вот как нам,
Рогатый лось,
Повстречаться довелось!

ВОТ И ВЕЧЕР

Солнце прячется в тумане,
Лес дремучий,
До свиданья!
Защитил ты нас от зноя,
Наполнил живой водою,
Дал здоровья,
Свежих сил
И гостинцем угостил.
Ты расти на радость людям!
Мы дружить с тобою будем,
Добрый лес,
Могучий лес,
Полный сказок и чудес!

С. Михалкович

Лосёнок

Хорошо тебе в лесу,
Мой лосёнок, пить росу
В чистом блюдечке листка,
О пеньки чесать бока,
Притаясь
В тенистой чаще,
Где листок осины
Слаще!

Мой лосёнок-олёнёнок,
Ты пока еще малыш,
Голос твой негромок, тонок...
Подрастёшь — и затрубишь.

Встретишь лютого врага —
Волка или росомаху —
Дашь копытами с размаху
И подымешь на рога.

А пока
Сойди с дорожки,
Где медвежий след
В траве, —
Не рога еще, а рожки
У тебя на голове,
Не копыта, а копытца
На концах брыкливых ног!
Их медведь не побоятся,
Мой лосёнок-скакунок!
Ты от мамы, что дремала,
Ускакал — и не поймать!
Видно, сыну горя мало,
Что ребёнка ищет мать!

Мой прыгучий, быстроногий,
Ты без спроса не ходя,
Лист осиновый не трогай,
На вершину погляди —
Кто там? Видишь,
Злая кошка!
Он повея ушком сторожо.
Поглядел.
Увидел рысь, —
Рожки
Выставил упрямо.

Захотел ей крикнуть:
— Брысь! —
Да не вышло, крикнул:
— М-а-а-ма! —
И со всех пустился ног
Наутёк.

Н. Петровский

Два петушка

ВАСИЛИ

Два петушка-друга шагали по дорожке,
Клевали зёрнышки и крошки.

Но вдруг в пути

Находка им попалась:

В канавке бусинка стеклянная валялась.

— Моя! Пусти! — Кричит один. — Моя!

— Ну вот еще! Увидел первый я! —

Кричит другой, —

— Ишь, ты, какой!

Ну, словом, разодрались петушки.

Расквасили друг другу гребешки.

Сцепились так,

Что не разнять никак.

Водой разлить пришлось!

А дружба прозь.

Бывает так и в жизни нашей:

Иным стекляшка дружбы краше.

А. Кольцов

Первоклассница

Конечно, Наташин портфель был не такой большой и красивый, как у мамы. Но мамин нельзя трогать, а свой портфель Наташа могла открывать и закрывать, сколько вздумается.

Целый день то и дело она вынимала вещи из портфеля и перекладывала их заново. Вещи были такие: букварь, две тетради и карандаш.

— Это всё нужно взять с собой, — сказала мама.

И всё же портфель с этими вещами выглядел совсем пустым и был очень лёгким. Потихоньку от

мама Наташа сунула туда толстую книгу с картинками, которые она любила рассматривать.

Наташа подумала: „Встречу знакомых девочек и покажу им картинки“.

Потом она увидела свой старый красно-синий мячик. Он как будто спрашивал: „А меня?“ Наташа издохнула и сунула его в портфель.

„Может быть, в школе можно будет поиграть в мячик?“

Теперь портфель потолстел и надулся. Наташа долго пыталась, но он никак не хотел закрываться на замок.

Наташа опять издохнула и в последний раз переложила вещи. Мячик пришлось выпнуть, и он обиженно покатился под кровать.

— Положи портфель, — сказала мама. — Надо мыться и спать.

Когда Наташа сняла кофточку, мама вдруг испугалась и закричала:

— Покажи, покажи, — что это у тебя с рукой?

Мама положила вязанье, быстро встала и взяла Наташу за левую руку. А на левой руке у Наташи синими чернилами были нарисованы ремешок и часы со стрелками.

— Беда с тобой, — сказала мама, — теперь придётся греть воду, иначе не отмоешься.

Мама говорила очень сердито, но, когда она уходила, Наташа увидела, что она закрыла лицо руками и смеётся.

Наташа обиженно смотрела на свою руку с нарисованными часами и думала: „Мама хорошо смеяться, у неё есть часы с ремешком. А мне не надо?“

Когда Наташа легла в кровать, мама погладила её левую руку, покрасневшую оттого, что её долго терли губкой, и сказала:

— Вот подрастёшь немного, будешь хорошо учиться, и я тебе куплю настоящие часы.

— С ремешком? — спросила Наташа. Она очень хотела спать, но лежала с открытыми глазами.

— Конечно, с ремешком, — ответила мама и сказала: — Закрой глаза.

— А вдруг я просплю! — встревожилась Наташа.

— Не проспишь! — успокоила мама. — Тебе до школы идти одна минута.

Но Наташа нарочно не закрывала глаза, и они всё мигали-мигали, пока не закрылись совсем. Наташа заснула.

...В комнате было темно, потому что еще не взошло солнце, и небо было всё в тучах. А Наташа стояла уже совсем одетая, с толстым портфелем в руке. Сначала она хотела включить плитку и подогреть завтрак, но потом раздумала: „Еще опоздаю в школу и маму разбужу. А маме на работу к десяти, пусть поспит еще...“

Наташа на цыпочках пошла к двери. Но тут проснулась мама.

— Ты куда? — спросила она.

— В школу, — сказала Наташа.

— В школу? — удивилась мама. — Да ведь еще очень рано.

— Нет, уже очень поздно, — сказала Наташа, — уже половина девятого.

Мама подняла голову с подушки, посмотрела на настенные часы и вдруг громко рассмеялась.

— Да ты, оказывается, еще в часах ничего не понимаешь, — разве это половина девятого? Ведь это сорок минут шестого.

Наташа тоже посмотрела на часы и покраснела.

— Это я стрелки перепутала, — сказала она.

— Ну вот, видишь, — сказала мама, — а еще просишь часы с ремешком. Раздевайся и ложись, — можно ещё два часа поспать.

Наташа нехотя разделась и легла в постель. Она лежала и думала:

„Почему это, когда что-нибудь интересное, то всегда нужно долго-долго ждать?..“

М. Дружинин

Дружба

Серёжа кубики достал,
Уселся на диване.
— Ты не мешай мне, — он сказал
Сестрёнке старшей Тане. —
Тебе я кубики не дам, —
Сложу из букв я слово сам.

Спиной к сестрёнке мальчик сел,
С дивана сбросил мячик.
Взял букву „Д“, зачем-то „Л“
И складывать их начал.

Закончил, отдуваясь, встал
И слово „Длубжа“ прочитал.
Смеется Таня: „Ха-ха-ха!
Ну что же вышло? Чепуха“.

Сергей на кубики глядит:
— Как складывать? Не знаю.
— Смотри-ка, — Таня говорит, —
Как я их расставляю.

Вот „Д“, вот „Р“, вот „У“ подряд,
Все буквы дружно встали в ряд. —
Серёжа рядом с Таней встал
И слово „Дружба“ прочитал.
Обнялись дети, радуются:
Вот как дружба складывается!

Г. Виноградов

Наш лесок

Он не низок, не высок,
Зелен, светел наш лесок.

Мы, когда учиться стали,
В том лесочке насчитали

Восемь сосенок густых,
Пять березок молодых,

Семь осинок-невеличек,
Девять ёлочек-сестричек.

Хорошо в лесу таком!
Каждый кустик нам знаком.

А. Прокофьев

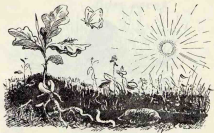

Сморчок

Сморчок, сморчок,
От рожденья старичок.
Вырос на опушке,
Шапка на макушке.
Дунул ветер... и сморчок
Повалился на бочок,
Весь в морщинах —
Старичина!

А. Прокофьев

Стебелёк и Корешок

СКАЗКА

Раз осенью Ворон закопал Жолудь на лесной поляне. Закопал и забыл, где закопал. Прошла осень, наступила зима, а Жолудь лежал и лежал.

Весной дни стали длинные. Сильнее грело солнце. Растопило снега, и побежали по поляне ручьи. Пробрались они к Жолудю.

Всю зиму не было воды, и Жолудь хотел пить. Пил, пил и разбух.

А солнце всё жарче грело. Стало Жолудю в земляной постельке тепло.

— Расти пора, — сказал он.

Потянулся, понатужился, скорлупа и лопнула. Из Жолудя выглянули два братца-близнеца: Росток-Стебелёк и Росток-Корешок.

Обрадовался Жолудь и сказал им:

— Ты, Стебелёк, вверх ступай, а ты, Корешок, вниз спускайся. Пока силы во мне есть, буду кормить нас.

Росток-Стебелёк вверх потянулся, Росток-Корешок вниз пошёл. Оба за мать-Жолудь держатся, из её кладовой еду берут.

Рос, рос Стебелёк и вышел из земли. Оглянулся — светло, просторно. Солнышко его встретило, согрело. Воздухом его опажнуло. Зазеленел Стебелёк, выпустил листик, другой. Хоть и мал был, а все заметили его. Жаворонок сверху первый увидел Стебелёк и спел ему песню. Бабочка села на него, чтобы осушить крылышки, смоченные росой. Пчела опустилась на зелёный Стебелёк отдохнуть от тяжелой ноши. Хлопотун-Муравей вскарабкался на него оглядеться, далеко ли еще ему идти.

Весело было Стебелёку и любопытно.

А Росток-Корешок тем временем пробирался в землю. Ощупью ходы прокладывал — где бочком, где ползком. По дороге камень встал, раковина попалась, — Корешок обогнул их — дальше да дальше ползёт.

Вдруг Червяк навстречу ему.

— Корешок, Корешок, я съем тебя.

Испугался Корешок, не знает, — как спастись от беды?

Вдруг зашумело, заворчало что-то. И рядом вы-

росла галерея. Только земля посыпалась. Это Крот пришёл. Ещё больше испугался Корешок. А Крот — хоп! — проглотил Червяка и к Корешку напрямик идёт. Если заденет, — обязательно сломает.

Но Крот стороной пробежал. Только крикнул: — Если тебя опять будут обижать, зови меня.

И скрылся в галерее. Корешок дальше пополз.

— Брат, — позвал он Стебелёк. — Как живёшь сверху?

— Хорошо. Я здесь всем нужен, — Стебелёк отвечает. — Все меня любят. Ты-то как внизу?

— Да ползу в темноте, наугад. Чуть совсем не пропал, — вздохнул Корешок. — Спасибо, Крот спас.

Полз, полз Корешок и чувствует, — еды ему не стало хватать. Кинулся к матери-Жолудю, а там только сморщенная скорлупа.

Голодно стало и Стебелёку сверху. Солнце греет, ветер его обвевает, — Стебелёк не радуется. Поник головой, вянет.

— Брат, — зовёт, — брат, помоги мне... Погибаю...

— Потерпи, — Корешок ему отвечает. — Я ищу еду.

Тут отростки Корешка весть ему подали, — земля стала жирная, сладкими соками пропитана.

— Еду нашёл, — Корешок Стебелёку кричит. — Посылаю. — А в листьях Стебелёка сидят зелёные работнички, толстенькие, будто шарики. Получил Стебелёк соки сырые, холодные, — велел работничкам подогреть на солнце. Поел и ожил, опять зазеленел.

„Надо и брата угостить“, — думает. И послал Корешку подогретые соки.

Выпил Корешок — вкусно!

— Какой, — говорит, — у меня брат заботливый!

Больше прежнего набрал соков в земле и опять шлёт. Стебелёк снова подогрел их, половину сам выпил, остальное брату отправил.

Так и зажили они. Друг без друга ничего не съедят — всё пополам. И оба сыты.

Идут годы. Стебель превратился в Дуб. Высоко поднялся, вершиной с тучами разговаривает, отдаёт приказы, куда дождь нести. Ветвями птенцов в гнёздах от непогоды укрывает. Под ним Корень глубоко в землю ушёл, во все стороны раскинулся отростками. И вдруг буря на Дуб налетела. За ствол его в обхват схватила. Завыла, начала его гнуть, ломать.

— Брат, — Дуб зовёт, — на помощь иди.

— Здесь я, — Корень отвечает снизу. — Держу тебя.

Улёлся в мать сыру землю, брата снизу подпирает. Буря репёт, мечется, трясёт со всей силы дуб — свалить не может. Стоит дуб. Брат Корень не даёт упасть, подпирает его из земли.

Ослабела буря и отступила, умчалась.

Живут братья-близнецы, — что ни год, то дружба их крепче. А с дружбой и сила растёт. И никому не одолеть их. Потому и живут тысячу лет.

М. Соловьев

Грибы

Иду я по лесу,
Корзинку несу.
Осенним валежником
Пахнет в лесу.

Средь елей, берёзок
И старых дубов
Мне будто бы слышится
Голос грибов...

МАСЛЕНА

Не видали вы маслénка?
Поглядите, вот он — я!
У меня на шляпке плénка,
Прилипает к ней хлóя.

Мы живём, ребята, дружно,
Долго нас искать не нужно,
Потому что там, где я,
Там и вся моя семья!

опёнки

Ножки наши тонки,
На ножках перепонки,
Растём мы под пенёчками,
Зовёмся мы — опёнки!

подосиновик

Я в красной шапочке расту
Среди корней осиновых.
Меня увидишь за версту,
Зовусь я — подосиновик!

лисички

Мы жёлтые лисички,
Весёлые сестрички,
И нас найти не просто
Бывает с непривычки.
Но если вы найдёте,
Валежник разгребая,
Одну из нас, —
То рядом
Найдётся и другая!

МУХОМОР

Средь хвойного бора,
Дремучего бора
Нельзя не заметить
Меня, мухомора!
Большой, как тарелка,
Пятнист я и красен.
Меня берегитесь:
Я очень опасен!

СЫРОЕЖКИ

Ах, какие мы заметные,
Грибники для нас — гроза!
Шляпки наши разноцветные
Всем бросаются в глаза,
Как увидят нас, — не мешкая,
Собирают всех подряд.
Называют сыроежками,
Но сырыми не едят.

БЕЛЫЙ ГРИБ

Я стою на ножке толстой,
Я стою на ножке гладкой,
Под коричневой шляпкой
С нежной бархатной подкладкой.
Если б очень захотели,
Вы найти меня могли б:
Я расту под веткой ели,
Я, ребята, белый гриб!

подберёзовик

Не спорю, не белый, —
Я, братцы, попроще...
Расту я обычно
В берёзовой роще.

Меня не пугают
Ни сырость, ни холод.
Я плох, когда стар,
Но хорош, когда молод!..

Средь елей, берёзок
И старых дубов
Мне будто бы слышится
Голос грибов!
Иду я по лесу,
Корзинку несущу.
Осенним валежником
Пахнет в лесу.

А. Леонов

Песочная страна

Течёт в стране песочной
Песочная река,
Построен дом высотный
Из жёлтого песка.
А справа, возле речки,
Где круче бережок,
Пекут в песочной печке
Песочный пирожок.

Н. Долматовский

Н и н а

По доске страшна
 дорога.
Нина струсила
 немного.
Повернула бы назад,
Да за ней идёт
 отряд.

А. Усачев

Конь

Что за глина у меня, —
Не могу слепить коня!
Мал я глину
Так и смял,
Зажимал её в кулак,
Клаал на стол
И на ладонь, —
Всё равно не вышел конь.
А у Нины дом с трубой
Трёхэтажный,
Голубой.
Сразу видно,
Что у Нины
Лучше всех кусочек глины.
„Вовсе нет, — сказала Нина, —
Одинаковая глина“, —
Села около меня,
Помогла слепить коня.

А. Усманов

Ц в е т ы

ПОДСНЕЖНИК

Выглянул подснежник
В полутьме лесной —
Маленький разведчик,
Посланный весной.

Видит, как на горке
Быстро тает снег,
Как ручьи проснулись
И пустились в бег,

Слышит, как готовят
К севу трактора,
И весну зовёт он:
„Наступай,
пора!“

КОЛОКОЛЬЧИК

Колокольчик голубой
Поклонился нам с тобой;
Колокольчики-цветы
Очень пёжливы...

А ты?

ГВОЗДИКА

Погляди-ка,
погляди-ка,
Что за красный огонёк?
Это дикая гвоздика
Жаркий празднует денёк.

А когда настанет вечер,
Лепестки свернёт цветок:
„До утра,
до новой встречи!“ —
И погасит огонёк.

ВАСИЛЁК

Как чиста в колхозе рожь, —
Василёк едва найдёшь.
Всем бы был цветок хорош,
Да зачем ты портишь рожь?
Приходи-ка лучше в сад, —
Вот обрадуешь ребят!

ОДУВАНЧИК

Носит одуванчик
Желтый сарафанчик:
Подрастёт, нарядится
В беленькое платьице,
Пышное, воздушное,
Ветерку послушное!

ЧЕРТОПОДОХ

Возле дома, у тропы,
Он стоит открыто;
Крепкий стебель и шипы —
Вот его защита.

Если схватят удалыца,
Будет драться
до конца!

Е. Серов

„Ага“ и „угу“

Над маленьким сыном склоняется мать.
Она говорит с ним: „Пора тебе спать!
Пока ты не спишь, я заснуть не могу!“ —
И маленький сын отвечает: „Угу!“

„Над городом спящим — глубокая тишь...
Скажи мне, сынок, почему ты не спишь?
Быть может, осенняя ночь так долга?“ —
И маленький сын отвечает: „Ага!“

„Ага! — повторяет счастливая мать, —
Быть может, жара не даёт тебе спать?
Иль плохо твой сон я в ночи берегу?“ —
И маленький сын отвечает: „Угу!“

„Угу! — так быстрее ты неки сомкни,
Скорее, скорее, сынок мой, усни!
А то заберёт тебя баба Яга!“ —
И сын отвечает с улыбкой: „Ага!“

И снова молчит он и смотрит на свет, —
Одним только взглядом даёт он ответ:
„Я знаю два слова — „ага“ и „угу“,
А больше пока говорить не могу!“

К. Ворси

Чудо-дерево

РАССКАЗ

Еще в поезде, по дороге в пионерский лагерь, Дима услышал про одну из достопримечательностей лагеря — „чудо-дерево“.

— Ух и дерево! — многозначительно протянул Вова, который провёл в этом лагере прошлое лето. — Такого, брат, нигде не сыщешь!

— А какой оно породы? — заинтересовался Дима.

— Необыкновенной, — захохотал Вова. — Увидишь

сам... — он внимательно оглядел Диму и уверенно прибавил: — Увидишь! Познакомишься с ним довольно близко, можешь не беспокоиться!

— Ясно, познакомлюсь, — сказал Дима, не замечая загадочной интонации Вовы. — Мы хотим вырастить сад при нашей школе. А если это дерево, и правда, такое необыкновенное, то я попробую достать саженцы и посажу его в нашем саду...

Вова закивал было головой, но не выдержал и залился таким громким смехом, что Дима даже обиделся.

— Ну, чего смеёшься? Не веришь, что мы сад вырастим? — сердито сказал он. — Конечно, я не знаю, как наша школа занимается разведением садов, а вот наша школа очень много внимания уделяет этому вопросу...

Вова, всё ещё давись от смеха, пробормотал:

— Ой, как ты учёно говоришь, как будто на собрании!.. И у нас сад есть, фруктовый, яблони растут, и вишня хорошо принялась... А чудо-дерево... ха-ха-ха... мы сажать... ха-ха-ха... не собираемся...

Ребята в вагоне прислушались к разговору Димы и Вовы. Те, кто впервые ехали в этот лагерь, с недоумением смотрели на хохочущего Вову, а те, кто уже бывал там, хитро поглядывали на Диму и подмигивали Вове.

Но вот поезд замедлил ход.

— Приехали! Приехали! — зашумели ребята и поспешно стали готовиться к выходу.

Лагерная жизнь началась сразу, как только ребята вошли в уютную плющом калитку, за которой в громадном тенистом саду стояли просторные дачи,

Вова и Дима попали в один отряд: кровати их стояли рядом, и хотя Дима еще не простил Вове его непонятного смеха в поезде, он всё же решил познакомиться с ним: и сад у них при школе есть, и какое-то необыкновенное дерево он знает, да и вообще он, видимо, парень весёлый — с ним не соскучишься!

Обо всём этом думал Дима, укладываясь спать. В спальне было шумно, мальчики делились первыми впечатлениями, строили планы на завтрашний день.

Но вот дежурный погасил свет. Стало тихо. Дима чуточку приподнялся на локте, слегка отодвинул занавеску на своём окне и прильнул к стеклу. Стволы высоких сосен, окружавших дачу, поблёскивали в призрачном лунном свете...

«Не забыть бы завтра посмотреть чудо-дерево», — подумал Дима, повалился на подушку и заснул.

— Вовка, какой я сон видел! — закричал он, едва раскрыв утром глаза. — Ты послушай... Я чудо-дерево видел... Уж и дерево! В три объёма!

— В три... объёма! — загоготал Вова. — А ты его объёмывал, что ли?

— И нечего смеяться, — надулся Дима. — Дерево как дерево... пышное такое... зелёное... — Дима вдруг с удивлением обнаружил, что весь сон начисто вылетел из головы! — Эх, — прибавил он огорчённо, — такой сон видел замечательный и всё забыл!.. А всё из-за тебя, Вовка! Сбил ты меня... но я всё равно вспомню!

А лагерная жизнь шла своим порядком: линейка, завтрак, прогулка на залив. И самое главное —

купанье! Вода в заливе была такая тёплая, песок такой мягкий и горячий, плавать было необыкновенно легко; и ни о каких снах Дима больше и не вспоминал. Разве может даже самый интересный сон сравниться с тем, что бывает наяву!

После полдника, перед тем, как занять своё место в образовавшейся волейбольной команде, Дима решил посмотреть, наконец, это Воинно чудо-дерево. Сам Вовка куда-то убежал, но это не остановило Диму.

— Я и сам найду, — сказал он и медленно, сдерживая шаг, стал обходить заросший лагерный сад.

Больше всего в саду оказалось сосен; высокие, темнозелёные, облитые солнцем, они легко возносились к небу. Ели разных размеров, от голубоватых малышей до широких, раскидистых, отливающих всеми оттенками зелёного цвета, сбивались в глубине сада, у жёлтого забора. Позади главного здания Дима нашёл чудесную солнечную полянку, опоясанную кружевными берёзками. Мимо громадного, пышно разросшегося старого дуба Дима прошёл, не останавливаясь, — он уже вчера успел посидеть под его густой листвой на удобной скамейке. Стройные пихты, клёны, невысокие, недавно высаженные тополя, цветущая липа, жёлтая акация вдоль забора, черёмуха, кусты сирени, уже отцветшей, — всё это было хорошо знакомо Диме, и к ним у него не было особого интереса.

„Неужели пропустил? — подумал он, останавливаясь около старого, кривого

дерева, с почти безлистными ветками. Оно росло неподалёку от аккуратно расчищенной площадки, на которой собирается лагерная линейка. Дима мельком взглянул на дерево и поморщился.

— Труха! — пожал он плечами. — И чего его берегут? Только вид портит! Срубить бы его — и конец!

Вечером, строясь на линейку, Дима подтолкнул Вовку и показал на облезлое дерево.

— Чудо-дерево, — сказал он, смеясь. — Это ты про него, наверно, и говорил, да? Голое, как бревно, ни одного листочка...

— Ничего, зацветёт! — фыркнул Вова.

Уже целую неделю жили ребята в пионерском лагере близ залива. Дима чувствовал себя в лагере отлично. Он, и правда, очень подружился с Вовой. Они вместе играли в волейбол, в одной команде. Оказалось, что и книги они любят одни и те же, и в шахматы играют не очень хорошо, попеременно проигрывая друг другу. И плавали они почти одинаково. И у обоих одинаково шелушились носы, обгоревшие на солнце...

И только в одном они отличались друг от друга.

Вова был очень аккуратен. Он привёз с собой целую пачку английских булавок и буквально всё прикреплял ими: носовой платок прищипливал к трусикам, перочинный ножик тоже прикреплял за ушко к трусам, а когда лез в воду, то скреплял булавкой ремешки сандалий. И крепко-накрепко пришивал пуговицы к рубашке и курточке, если замечал, что они начинают болтаться.

Дима же меньше всего думал о своих вещах.

Он уже дважды терял свой перочинный ножик, но находил его. А носовые платки... Мама, когда собирала его в лагерь, нарочно положила ему платков побольше и похуже.

— Всё равно потеряешь, — вздохнув, сказала она. — Ты хоть трусы-то привези, да обувь, да куртку... А уж на платки я и не рассчитываю... И на пуговицы тоже...

И правда, — разве есть у него время думать о таких пустяках!

Однажды, спеша на волейбольную площадку, где над сеткой уже метался упругий мяч, Дима чуть не сбил с ног старенькую няню, Федосью Степановну. Она стояла около старого кривого дерева и рылась в большой корзине, полной доверху какими-то вещами.

— А, теперь я всё понимаю! — хлопнул себя Дима по лбу. — Они на нём бельё сушат, вот что! Потому и не рубят...

— Димка-а-а... скорей иди! Куда девался?.. — донёсся до Димы голос капитана команды — Вовы; и Дима, забыв про дерево и няню, припустил на волейбольную площадку.

Вечером, на линейке, Дима сразу заметил, что в лагере не всё благополучно. В отрядах, выстроившихся на площадке, чувствовалось какое-то смутное. Дима хотел, по обыкновению, обратиться за разъяснениями к Вовке, но тот тихонько подтолкнул его в бок и молча указал глазами на кривое дерево.

Старое кривое дерево стояло разукрашенное, как новогодняя ёлка. Чего только не висело на нём!

Белая панамка украшала верхушку. Ленты синие, ленты белые, ленты коричневые, красные... Сандалия. На перёвочке — перочинный нож. Зубная щётка с красной ручкой. Три металлические кружки разных цветов и размеров. Носовые платки — много носовых платков: белых с кружевцами, чёрных от грязи, серых с налётом пыли. Они, как птицы, усеяли ветки старого кривого дерева...

Дима почувствовал беспокойство. Тревожные мысли полезли в голову. Он сунул руку в карман брюк. О, счастье, перочинный нож на месте! А платок? Платка нет...

На трибуну поднялся начальник лагеря. После того, как были отданы рапорта и спущен флаг, он громко сказал:

— Отрядам не расходиться! Слово предоставляется старшей пионервожатой...

Вот оно, чудо-дерево! Наконец-то Дима понял, почему так смеялся Вова и почему он приехал в лагерь, снабжённый таким солидным запасом булавок!

Медленно, отчётливо читала пожатая Зинаида Васильевна „список нерях“, — так она и сказала с трибуны!

Первой покинула строй маленькая первоклассница. Всклипывая, она прошла через всю площадку, чуть припадая на необутую левую ногу в розовом носке. Ещё громче всклипывая, она сняла с дерева свою сандалию, прижала её к груди и вернулась в свой отряд. Вслед за ней выбежала другая девочка, но спохватилась и, медленно подойдя к дереву, стянула с ветки сразу две ленты и зубную щётку.

Потом Диня чуть не засмеялся, когда маленький вихрастый второклассник, громко ревя, хотел отказаться от своих трусиков, украшавших дерево. Но старенькая няня показала ему метку, — и ему пришлось взять их. Засунув их в карман штанишек, зарёванный мальчик торопливо побежал к своему отряду.

— Рева! А еще мальчишка! — пожал плечами Диня. — Ничего особенного!.. С каждым может случиться...

И вдруг он услышал громкий голос возжатой:

— На территории спальни младших мальчиков найдены три носовых платка, сильно загрязнённых, без меток. Имена нерях, потерявших их, выяснить

не удалось. Пусть те мальчики, которым эти платки принадлежат, сами выйдут и снимут их с дерева.

Полное молчание воцарилось на площадке. Какие-то девочки фыркнули. Младшие мальчики быстро начали ощупывать свои карманы. Никто не двинулся с места.

Дима похолодел. Он сразу узнал свои носовые платки. Вот тем, наверху, он чистил запалившиеся тапочки. А в тот, что ниже, он завернул грибы, найденные в лесу и оказавшиеся поганками. А третий... ну, это платок как платок... С чего же ему быть чистым? Ведь он пользовался им...

Дима колебался: идти или не идти? Ну их, платки! Мама всё равно и не надеется, что он их привезёт. Пусть висят, — меток-то на них нет!

— Оказывается, неряха, потерявший платки, ещё вдобавок и трус, — всё так же громко и спокойно произнесла вожатая и медленно обвела глазами выстроившихся ребят.

Этого Дима уже не мог вынести. Трус, это он трус? Из-за каких-то дурацких носовых платков его называют трусом?!

И Дима решительно вышел из строя. Он старался не смотреть на товарищей по отряду, на маленьких, мимо которых он должен был пройти, на девочек, — он чувствовал на себе их насмешливые взгляды. Твёрдым шагом подошёл он к дереву. Федосья Степановна брезгливо, двумя пальцами, сняла с дерева развешанные грязные платки и отдала их ему.

— Постой, вот это, кажется, тоже твоё, — сказала она и сняла с дерева последнее украшение:

пуговицу на длинной нитке. Он сразу узнал её: это была пуговница с его куртки!

Укладываясь спать, Дима даже не смотрел на Вову. А Вова лукаво улыбался, и, когда оба мальчика уже лежали под одеялами и свет уже был погашен, он приподнялся на своей постели и шопотом сказал:

— Видал чудо-дерево? В три обхвата! Ладно, Димка, не страдай!.. И я через это прошёл...

Дима помолчал немного, потом тоже приподнялся и тоже шопотом сказал:

— Вовка, слушай, знаешь что?.. Дай штуки три булавки... Я маме напишу, она привезёт... Мне пока... ну, хотя бы... две...

И. Гринберг

Загадки

* * *

Живу сто лет в одном саду,
Ни разу садом не пройду.
Далёко видно мне, хотя
Стою я, с места не сходя.

О чём ещё сказать, друзья?
Встречаю шумом грозы;
Весной, к теплу, оденусь я,
Сниму наряд —
к морозам.

* * *

Леденцы несладкие,
Белые и гладкие
Бахромой висят.

Вот они как близко
 На карнизе низком!
 Только их задень,
 Звонкие и ломкие, —
 Рушатся бахромки
 И звенят: „динь-день!“
 Крыши стали мокрыми.
 Солнце. А за окнами
 Болтовня капель.
 Леденцов нет к вечеру, —
 Солнышко да петер их
 Понемножку съели!

Н. Погодина

Жаба и Землеройка

ПЕРВЫЙ ВСТРЕЧА

Жили-были Жаба и Землеройка, ходили друг к другу в гости и очень дружили; Жаба не могла жить без Землеройки, а Землеройка — без Жабы.

Придет Жаба в нору к Землеройке:

— Здравствуй, дорогая Землеройка! Какая у тебя красивая кожа! Какой в норе порядок! Пальмовое вино у тебя вкуснее, чем у других в деревне; и нигде еще такого не пивала!

Придет Землеройка к Жабѣ:

— Здравствуй, милая Жаба! Какие у тебя красивые глаза! какие быстрые ноги! Таких вкусных червей, как у тебя, я ни у кого еще не едала!

Так шла у них дружба много лет. Жаба не могла жить без Землеройки, а Землеройка — без Жабы.

Задумала хитрая Черепаха разбить эту дружбу, пошла к Землеройке.

— Знаешь ли ты, Землеройка, что говорит про тебя Жаба?

— Не знаю, — сказала Землеройка. — А что она говорит?

— Не могу сказать, — издохнула хитрая Черепаха: — если скажу, — дружбе нашей будет конец.

Долго просила Землеройка Черепаху, наконец допросилась.

— Так и быть, скажу, — согласилась Черепаха: — Жаба говорит про тебя, что ты безобразна...

— Что? — сказала Землеройка.

— Что от тебя дурно пахнет и что твой пальмовое вино невозможно пить, потому что от него пахнет твоей вонючей шкурой.

— Что? — закричала Землеройка. — Эта толстая противная Жаба говорит про меня, что я безобразна? Что моё вино дурно пахнет? У ней у самой вся кожа в бородавках и наростах, выпученные глаза и отирательный голос. Сейчас пойду убью её до смерти!

Черепаха услышала эти слова и пошла поскорее к Жабке. Она знала более короткий путь и потому пришла к Жабке раньше, чем Землеройка.

— Слыхала ты, Жаба, — сказала Черепаха, — что говорит про тебя твоя лучшая подруга, Землеройка?

— Нет, не слыхала, — сказала Жаба. — А что она про меня говорит?

— Ужасные вещи! — сказала Черепаха. — Будто у тебя вся кожа в бородавках...

— Что? — сказала Жаба.

— Вся кожа и бородавках и наростах, выпученные глаза и отвратительный голос.

— Ты не врешь? — закричала Жаба.

— Нисколько не вру; она только что сама мне это сказала.

— Я её убью! — сказала Жаба и поскакала к норе Землеройки.

Старые подруги встретились на узкой дорожке и начали биться. Жаба кидалась на Землеройку, а Землеройка изо всех сил нападала на Жабу. Так они бились и дрались до вечера, и ни одна не победила. К вечеру они выбились из сил и упали на землю друг возле друга.

— Я победила! — сказала Землеройка. — Ты больше не можешь драться.

— Нет, я! — крикнула Жаба. — Ты лежишь на земле, и не можешь шевелиться.

— Победила я! — сказала Черепаха. — Я задумала погубить вашу дружбу и погубила.

Так злая и хитрая Черепаха поссорила Жабу с Землеройкой, и теперь они ненавидят друг друга и всегда дерутся, когда встречаются.

А. Бонин

Курица, Ёс и Коза

ИСТОРИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Прежде жили все звери вместе в лесу, в густом кустарнике, и не имели огня. А у людей в деревне был огонь: горели костры, кипели котлы, варилось мясо. Позавидовали звери людям, захотелось и им завести у себя в лесу огонь.

— Ночью забьет у меня шкура, — сказал Слон. — Хорошо бы ночью в лесу костёр развести.

— Мяса варёного поесть, — сказал Кабан.

— Железо на огне размягчить и мне железные

наконечники к ногтям приделать, — сказал Леопард. — Обязательно надо огня достать!

Думали звери, думали и решили послать кого-нибудь в деревню к людям за огнём. Кого послать? Попросили Курицу.

— Иди ты, Кура, в деревню, — сказали звери, — принеси нам огня.

— Хорошо, — сказала Курица, — принесу.

Пришла Курица в деревню, увидела костёр, присела погреться. Понравилось Курице у огня, — и тепло, и светло; не захотелось ей возвращаться обратно в кустарники. „Чего там хорошего в лесу? — подумала „Курица“. — Останусь я лучше здесь, в деревне“. И осталась у огня.

Ждали звери, ждали, — нет Курицы. Подумали и послали в деревню Пса.

— Иди, Пёс, принеси нам огня, да возвращайся поскорее!

— Хорошо, — сказал Пёс, — Я не Курица, я у огня не останусь.

Пришёл Пёс в деревню, — видит костёр, — вокруг костра — люди, на огне котёл кипит, мясо варится. Сел Пёс у огня, согрелся, — тепло, мясом пахнет, — не уйти Псу от костра.

„Неужели мне идти обратно в кустарники, — подумал Пёс, — когда здесь, у огня, так хорошо?..“ И остался Пёс с людьми.

Ждали звери Пса обратно, — не дождались. Решили послать за огнём Козу.

— Иди, Коза, да возвращайся скорее, — сказали звери. — Принеси нам огня.

— Я скоро вернусь, — сказала Коза. — Я не та-

кая, как Курица или как Пёс, — я помню, что обещала.

Пошла Коза в деревню, присела к огню. Хорошо у огня, тепло, — люди мясо варят, тыкву чистят, — много кожуры валяется у костра. Наелась Коза кожуры, а потом пошла за дом, нашла большую мусорную кучу, и здесь ей ещё больше понравилось.

— Много еды в деревне, — сказала Коза, — никуда я отсюда не пойду, стану с людьми жить.

Так и не получили звери огня, зато Курица, Пёс и Коза остались в деревне и стали с тех пор все трое домашними животными.

Л. Яковлева

Шакал и Кувшин

ИНДИЙСКАЯ СКАЗКА

Один брамин выкопал в степи колодец. Все, кто проходил и проезжал мимо колодца, выпивали кувшин прозрачной, студёной воды и говорили:

— Спасибо тому, кто позаботился о нас, выкопал здесь колодец и сделал такой хороший кувшин.

Однажды к колодцу пришёл Шакал. Напившись воды, он засунул поглубже морду в глиняный кувшин и стал бить его о землю. После второго удара кувшин разбился вдребезги.

— Зачем ты разбил кувшин?—спросила Шакала Полевая Мышь. — Как же теперь люди пить будут?

— Вот еще!—сказал Шакал.—Очень мне нужно

думать о других! А кувшин я разбил потому, что мне нравятся глиняные черепки.

Увидев разбитый кувшин, брамин сделал новый. Но Шакал не успокоился. Он снова пришёл к колодцу, опять засунул в кувшин морду и, мотнув головой, разбил его.

— Вот я какой! — хвастливо сказал Шакал Мыши. — Человек делал кувшин три дня, а я разбил его в одну секунду! Далеко человеку до меня!

Когда брамин увидел, что и второй кувшин разбит, он решил узнать, кто лишает усталых путников драгоценной воды. Брамин сделал третий кувшин, поставил его у колодца и спрятался поблизости. Вскоре явился Шакал, и брамин увидел, как он расправился с его глиняным кувшином.

Через три дня брамин выточил новый кувшин из очень крепкого дерева. Он сделал в этом кувшине такое горлышко, что в него очень легко можно было просунуть голову, но ни за что нельзя было вытащить её обратно.

Как всегда, перед закатом солнца к колодцу явился Шакал. Увидев новый кувшин, он сейчас же засунул в него поглубже морду и стал размахивать головой. Однако, сколько он ни бил кувшин о землю, тот оставался цел и невредим. Тогда Шакал попытался вытащить голову, но не тут-то было! — голова попрежнему оставалась в кувшине.

„Я разобью его о камни“, — подумал Шакал и побежал в горы.

Но бежать с кувшином на голове не так-то легко. Шакал всё время на что-то натыкался и падал в какие-то ямы. Ему казалось, что он бежит в горы, а

на самом деле он бежал совсем в другую сторону. Он мчался без отдыха всю ночь. А когда наступило утро, оказалось, что он прибежал в большую деревню. Деревенские собаки увидели Шакала, выскочили из своих дворов и загрызли его.

М. Кудин

Кот Котофеевич

Д. КАРЕН

Жил у бабушки серенький кот.
Уж такой за котом был уход!

 Был он чистый,

 пушистый,

 пригожий —

На большой одуванчик похожий.

 Всем бы кот — хоть куда,

 Но ленивый —

 беда!

Спал он сутками,

 Спал до одури —

Свет не видел такого лодыря!

Говорила коту хозяйка:

„Ах ты, плут! Ах, бездельник!

 Вставай-ка!

По квартире бегает мышь,

А ты преспокойно лежишь!“

Фыркал кот на старушку сердито:

„Я — сибирский,

я — родомитый,

Я — не то, что другие коты!“

И лежал целый день у плиты.

А мыши совсем обмягли —

Все запасы у бабушки съели:

И горох,

и крупу,

и муку...

А кот всё лежал на боку!

Тут терпение бабушки лопнуло,

И ногою бабушка топнула:

„Вон из дома, ленивый зверь!“

И швырнула кота за дверь.

Кот воскликнул: „Имейте в виду, —

К непризорным котам я иду!“

Во дворе он встретил суровых

Облезлых котов дворовых,

И спросил он их:

„Не хотите ли,

Я буду у вас предводителем?“

„Ш-ш-што“? —

В ответ зашипели коты

И подняли грозно хвосты.

Были эти коты дворовые

Не сибирские,

но здоровые!

Да к тому же их было трое;

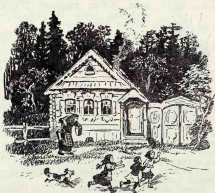
Налетели они на героя —

И теперь этот кот — знаменитый,
Но не тем, что такой родовитый;
Знаменит он теперь, как работник —
На мышей превосходный охотник
(ведь охотиться надо умеючи!).
И дворовые злые коты
Перед ним опускают хвосты
И зовут его

Котом Котофейчем!

Е. Сорокин

Алёнка

СВЯТАЯ

В светлом домике у самого леса жила девочка Алёнка со своей бабушкой. Бабушка в колхозе телят растила; молоком их поила, мягкую соломку стелила; дома Алёнке обед варила, новые платьица

шила, Алёнке говорила: „Расти, внученька, умная да разумная — бабушке помощница!“

А Алёнка целыми днями с подружками бегала, играла, а свою комнату убрать да в колхозном огороде помогать ленилась: „И без меня сделают. Перепачкаю свой красный сарафанчик, растреплю свои русые косички“.

Однажды позвали подружки Алёнку в лес за земляничкой. Взяла Алёнка большую корзину, побежала в лес с подружками.

Пришли на полянку. Подружки всё наклоняются да наклоняются, в корзинах у них ягод всё прибавляется и прибавляется. А Алёнка за ними ходит, сердится, что ничего не находит. Ягоды ногами топчет, а наклониться за ними не хочет.

— Уйдёте, подружки, отсюда. Нет здесь ягод, — говорит Алёнка.

Только сказала, как услышала за своей спиной тоненький голосок:

Алёнка
Сестрёнка,
Не ленись,
Не ленись.
Мне, сестричке
Земляничке,
Поклонись,
Поклонись.
Подарю тебе я ягодку, дружок.
Будет девочке с пареньем подарок.

Алёнка оглянулась. Видит: недалеко красная зем-

ляничка из-под листочка заглянула. Она к ней шагнула. А та снова куда-то спряталась. Одни зелёные листочки вокруг, а ягод не видно.

И снова у Алёнки за спиной, сбоку и спереди сразу несколько тоненьких голосков запело:

Алёнка
Сестрёнка,
Не ленись,
Не ленись.

Алёнка смотрит: выглянула одна ягодка, другая, третья и снова попрятались. Рассердилась Алёнка.

— У, противные ягоды! Не стану вам кланяться. Вот еще! Сами полезайте ко мне в корзину! — Да как топнет ногой — и раздавила ягодку.

Испугались землянички. Попрятались скорее под листочки. Так и не набрала Алёнка ягод. С пустой корзиной домой пришла.

А подружки её много ягод набрали. Будут в воскресенье всем пироги с вареньем.

На следующий день подружки снова Алёнку в лес зовут — грибы собирать. Взяла Алёнка большую корзину, побежала в лес с подружками.

Пришли все в лес. Подружки то у сосенки, то у пня, то у кочки наклоняются: сорвут то грибок-боровичок, то подосиновый, красный, с красной шапкой, гриб. А Алёнка ходит, ничего не находит,

шишки на соснах считает, птиц криками пугает.

Вдруг слышит Алёнка у себя под ногами скрипучий голосок:

Алёнка
Сестрёнка,
Не ленись,
Не ленись,
Мне, грибку
Борошкю,
Поклонись,
Поклонись.
Награду тебя за это я, дружок!
Будет дёшеват солёнышкнй грибок.

Алёнка смотрит вниз. И ничего, кроме комочков земли да сухих листьев, у себя под ногами не видит.

„Какой же тут грибок? Здесь просто земля“, — удивилась Алёнка.

А внизу снова скрипит голосок:

Алёнка, поклонись.

— Вот еще! Буду я наклоняться! Если ты грибок, то полезай сам ко мне в корзину, — проворчала Алёнка да как топнет ногой по комочку!

И хрустнул у неё под башмачком борошничок, развалился на мелкие кусочки. Так и не набрала ничего Алёнка.

А подружки полные корзины грибов домой принесли; засолили, замариновали.

Скоро и праздник. Кипит работа у Алёнкиных подружек: помогают они печь пироги, собирают цветы, дома убирают, цветами всё украшают, к празд-

нику готовятся. Будут они на праздник гостей звать, своими пирогами угощать.

А как Алёнка на праздник пойдёт, как она гостей позовёт, если ничего к празднику не припасла, никому не помогла?

Стыдно стало Алёнке.

Вот утром бабушка в колхоз ушла, а Алёнка корзинки взяла и в лес побежала. Пришла Алёнка на знакомую полянку, а ягод не видно.

Наклонялась Алёнка, наклонялась. А ягодки от неё все попрятались: боятся сердитой да ленивой Алёнки.

„Видно, обиделись на меня ягодки. Надо попросить у них прощенья“, — подумала Алёнка и запела ягодкам песенку:

Сестричка
Земляничка,
Не сердись,
Не сердись,
Мне, Алёнке
Сестрёнке,

Покажись,
Покажись,
Я теперь не поленилась, не поленилась:
За тобой я наклонюсь, наклонюсь!

Только закончила Алёнка свою песенку, как на полянке сразу все землянички выглянули.

Обрадовалась Алёнка, не поленилась — к каждой ягодке наклонилась и быстро набрала полную корзину спелой, вкусной земляники.

Потом побежала Алёнка в лес за грибами. Прибежала в лес, а грибов не видно.

„Грибы тоже, наверно, сердятся на меня. Сложу-ка я им свою песенку“, — подумала Алёнка и запела:

Грибок,
Боровичок,
Не ссорась,
Не ссорась,
Мне, Алёнке
Сестрёнке,
Покажись.

Только пропела песенку до конца, как увидела: у ног её из-под сухого листочка коричневая шляпка выглянула. Алёнка быстро наклонилась, подсунула под листок пальчики, а там толстый, крепкий боровик сидит. Сорвала его Алёнка и положила в корзину.

Только отошла несколько шагов, как увидела под сосной красный гриб на высокой ножке, а рядом ещё один гриб и ещё.

Не прошло и часа, как Алёнка уже домой с полными корзинками воротилась. Обрадовалась бабушка, что Алёнка та-

кая прилежная стала, напекла пирогов, насолила грибов.

На тот праздник и меня позвала. Теми грибами и пирогами и меня угощала. Со мной Алёнка плясала, мне эту сказку рассказала.

А. Купцовская

Лапоточки

Пошла Уточка купаться и увидела на дороге старые лапти.

„Дай, — думает, — надену их. До речки далеко, а идти по глубокому песку. Непароком на острый камушек наступлю, ножку наколю“.

Надела Уточка лапти и идёт к речке. Пришла на бережок, сняла с головы платочек, один, другой лапоточек — и в воду. Уж она плескалась, плескалась, плавала, плавала, да и заплыла далеко. А когда вышла из воды, — лапоточков-то и нет. Только платочек на транке.

Заохала Уточка:

— Где мои лапоточки?
Остался один платочек. Как пойду по дорожке? Наколю свои ножки!

Повязала Уточка голову платочком и побежала искать лапти. Долго ли бежала, — кто о том знает? — только прибежала в колхоз на птичий двор.

Ходит по двору Петенька-петух, такой важный, грозный, на курочек сердито покрикивает. Сам нарядный, весь золотистый.

На голове красный гребешок, бородушка на две стороны расчёсана. А перья в хвосте всех цветов — и красные, и синие, и жёлтые.

— Здравствуй, Пётр Петрович! Я, Уточка в платочке, ищу свои лапоточки. Не ты ли унёс их, пока я купалась?

А Петух-то как разгневается, как затрясёт гребешком, хлопает крыльями:

— Ах ты, глупая Уточка! Да разве ты не видишь, кто я? Я здесь начальник над всеми курами. Не пристало мне в лаптях ходить. Все куры меня уважают. У меня сапоги со шпорами!

И зашагал он по двору, высоко поднимая ноги. Потом излетел на забор, крыльями замахал и давай кур скликать:

— Ку-куры-ку! Ку-куры-ку!

Со всех сторон набежали чернушки, хохлатки, пеструшки.

А Петя-петух такую речь перед ними держит:

— Пришла Уточка в платочке, спрашивает, не взял ли я её лапоточки. А мне их куда?

Куручки тоже крыльями замахали, в один голос раскудахтались:

— Куда, куда, куда тебе лапоточки! В них только и ходить через пни да через ко-ко-кочки!

Перепугалась Уточка, побежала дальше, да прямо в огород, где горох рос. Горох-то сахарный, сладкий-пресладкий! Вот и повадились озорники воробьи клевать его. А колхозники, чтобы попугать воробышек, сделали из старой швабры Чучело и поставили его среди гряд. Надели на мочалу старую шляпу с перьями, а на палку—рваное платье. Как ветерок заденет Чучело,—затрясёт оно своими лохмотьями, воробушки напугаются—и в разные стороны.

— Здравствуй, Чучело гороховое! Я, Уточка в платочке, ишу свои лапоточки. Не ты ли унесло их, пока я купалась?

Как раскритится Чучело на весь огород:

— Вот птица необразованная! Да ты видишь ли, с кем разговариваешь? У меня кудри мочальные, шляпа соломенная, платье шёлковое. Стану ли я, модница, в лаптях ходить! Да меня все вороны засмеют!

Замахало Чучело пустыни рукавами, затрясло перьями—всполошились воробьи, разлетелись, кто куда.

Пустилась Уточка из огорода со всех ног. От страха опомниться не могла. Добежала до деревни. Видит: в первом домике окно открыто. А на подоконнике лежит Кот, толстый-претолстый, чёрный-пре-

чёрный. Солнышко его разморило, поджал он под себя лапки и дремлет.

— Здравствуй, Василий Иванович! Я, Уточка в платочке, ишу свои лапоточки. Не ты ли увёс их, пока я купалась?

А Коту и мяукнуть лень. Прикинулся, что не слышит, а сам одним глазком посматривает на Уточку.

— Вытани ножки, покажи сапожки! — просит Уточка. Кот потянулся, выставил одну ножку и промурлыкал:

— Смешная ты, Уточка! Бабушка меня любит, Аннушка голубит, — мне ли, Коту, в лаптях ходить!

Да меня мыши просмеют.
У меня сапожки меховые,
подмёточки бархатные!

А тут Аннушка на кры-
лечко вышла. Уточка и её
о лапоточках спрашивает.

Засмеялась девочка,
каблучком о крылечко при-
топнула.

— Кто же у нас в кол-
хозе в лаптях ходит! Мы
и думать о лаптях забыли.
Мне и кожаных туфельек
не переносить!

Вернулась Уточка к
речке. Глядь, а по воде её лапоточки плывут. По
берегу ребята бегут, смеются.

Обрадовалась Уточка:

— Вот где мои лапоточки!—и просит ребят до-
стать их из воды.

— Это не лапоточки, а кораблики! — отвечают
ребятишки. — Плыни за ними, Уточка, и догоняй их
сама!

А догонять-то и не пришлось! Видно, лапти давно
по реке плавали, намокли они, отяжелели от воды
да и пошли ко дну. Только их и видели.

Загадки

Ступает тихо,
Играет лихо,
Любит мыться,
А воды боятся.

Я бегу по белу свету —
По селеньям, городам,
Вслух читаю вам газету,
Все события передам.
У меня всегда для нас
Есть и музыки запас.
И со мною все знакомы:
Вы меня найдёте дома,
В парке, в школе, на заводе,
В самолёте, пароходе.
Там и тут мои друзья,
Угадайте, — кто же я?

С пером, а не птица,
Пьёт, да не водицу.

Лушин лужок

ЖЕЛТОВАЯ ПЕЧАТКА

В одном колхозе жил старик со своей внучкой Лушей. Старик колхозные амбары сторожил, а Луша в школу ходила, летом в поле работала. Однажды поехал старик в город, привёз с базара утку и селезня и говорит внучке:

— Вот тебе, Лушенька, пара уток. Приготовь-ка обед нам получше.

Утка и селезень были белые, как снег, и очень красивые. Жалко стало Луше их резать.

— Данай, дедушка, оставим уток на завод. Они нам летом утят принесут.

— Что ты, Лушенька! Обжорливей утки птицы нет. Пока утят вырастим, объедят нас.

Но Луша уговорила деда оставить селезня и утку, поместила их в хлев за изгородь и стала за ними ухаживать. Намесит с утра полное корыто отрубей, а к обеду оно пусто. Даст чугуи картошки — опять мало. С утра до ночи утки всё едят и едят, едят да побрякивают: „Мы голодны, дай еще!“

Пришла весна. Как-то утром выпустила Луша уток из хлена, а сама ушла в школу. Вернулась после полудня домой, слышит, что-то тихо по дворе. Вышла на крыльцо и зовёт: „Ути, ути, ути“. Никто не откликается. Заглянула в хлев, — пусто, на огороде тоже. Бросилась на речку. А за речкой заросли, озёра. Разве найдёшь беглецов?

Заплакала Луша. А дед её утешает: „Не тужи, внучка. Не велика потеря“.

Поплакала Луша, да и забыла о пропаже.

Прошла весна, потом лето, наступила осень. И как-то ночью ударил мороз. Выглянула поутру Луша в окошко, видит: кругом снег, река замёрзла, пришла зима. Накинула она на себя шубейку и вышла на крыльцо. И вдруг слышит: где-то за рекой кричат утки. Луша позвала деда; и побежали они к речке. Остановились — глазам не верят. С берега на лёд осторожно спускается белый селезень, за ним белая утка, а за ними целый выводок.

Дед и внучка обрадовались. Очень выгодная птица — утка! Не требует ни ухода, ни забот, ни корма.

Весной выпустил пару, а к зиме с озера получай целый выводок. А уток он отбирал так: звал

Упросили соседи продать им утят на развод, а селезня и утку дед и Луша себе оставили.

Весной все, кто имел уток, выгнали их на речку. А с речки утки ушли на озера. Все ждали зимы. Вернутся ли утки? Приведут ли с собой утят? Мало ли что может быть! Собаки найдут гнездо и яйца поедят, коршун утят унесёт, лиса передушит.

Наконец ударили морозы. Луша вместе с соседями вышла на речку встретить уток. И вот утки появились. Не выводок, а целая стая. Все не нарадуются. А больше всех—Луша. Ох, как много уток! И у неё, и у соседей.

Стали хозяева своих уток искать. А какие свои? Все утки белые, все одинаковые. Дед с соседкой селезня не поделили. Дед говорит: „Мой селезень”.

а соседка, — „Мой“. Люди спорят, ссорятся. А утки кружат по улице, не знают, куда им идти. Вот так оказия! Как уток прокормить, — нашли, а как поделить, — не знают. Вместо богатства — одна ссора.

Маленькая Луша девочка, а какую беду натворила!

Поглядел дед на уток, почесал в затылке да и говорит:

— Эх, люди добрые, чего делить? Давайте заводить утиную ферму. Глядите, красота какая! Душа радуется. Неужто нас птица поссорит? И при доме держать уток можно. Да от большого хозяйства, общего, — и толк большой.

Подумали люди, поспорили, посудили, да так и порешили.

С того времени в том колхозе столько развели уток, что едут мимо лугов и озёр люди и диву даются: что там вдаль? Не то белые облака, не то снег белеет. А местные люди отвечают:

— Это на Лушином лужке наши утки-утята пасутся.

М. Жилин

Поделки - самоделки

ПОПЛАВОК

Пришла весна.

И для каждого рыболова всё в магазине готово: и удильща, и лески, и крючки, и поплавки.

А вот Нюра и Леня делают красивые поплавки сами, своими руками.

А ну, ребята, кто из вас ловок? Давайте делать поплавки из пробок.

Склейте две пробки вместе, проткните их лучинкой с клеем и хорошенько просушите.

Возьмите острый нож и вырежьте из них морковку.

Теперь положите на стол наждачную бумагу и пошлифуйте на ней пробочную морковку.

Затем на макушке этой морковки укрепите проволочную петельку. Теперь поплавок раскрасьте масляными красками и дайте ему просохнуть.

Вот и готов поплавок.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Вот записная книжка.

Такую книжку может сделать всякий.

Бери бумагу, толстую иголку с ниткой, клей, ножницы, лоскуток материи и картон.

Перегни бумагу вдвое. Ещё раз, ещё раз и ещё один разок. В согнутой бумаге с одной стороны все листики сразу иголкой проткни. Сделай толстой иглой три дырочки и сшей её, сшей крепко, крепко...

Сшитый край оклей лоскутом материи — это корешок.

Теперь принимайся за обложку.

Отрежь два ровных листа картона размером, как сшитая книжка, только немного уже.

Положи их на столе, намажь клеем и клей на книжку. Один листочек приклей на одну сторону, второй — на другую.

Только, смотри, не закрой весь корешок.

Готово.

Клади её под тяжёлый пресс. Пусть она разгладится и подсохнет.

А час прошёл, — вынимай книжку из-под пресса. Возьми ножницы и ровно срежь её края.

Вот и готова записная книжка.

Не пачкай её и не рви.

Хочешь — рисуй в ней, а хочешь — пиши.

Я научился плести из прутьев корзины совсем легко и просто.

Взял толстый прут. Согнул его в круг. Связал.

У прутьев потоньше подрезал концы до сердцевинки.

А потом привязал их к кругу друг около друга.

Поставил круг из прутьев, как стог, через них заплёл вокруг другие прутьи.

Плету, плету. Готово.

Теперь надо делать дно.

Те прутьи, что стогом стоят, стябаю: прут — налево, прут — направо, — и заправляю их в бока плетёнки.

Все прутьи согнул, заправил — нет больше сто-

га. Зато есть корзина, но без ручки, с дырявым дном.

Теперь беру самые тонкие прутьи и вплетаю их в дно. Один прутик вплетаю, второй, третий, много прутьев. Дно готово.

Ручку делать ещё скорее: закрепил прутик в бок
ку налево, перегнув дугой направо, занялся. Закре-
пил второй направо, перевил вокруг дуги, занялся
налево. Прутик — налево, пруттик — направо, — гото-
ва ручка.

Готова корзина.

В. Корсаков

Содержание

Привет родному краю. Стихотворение Василия Г. Рыжани Подлаской Л.	3
Петрушка. Рассказ Егорова В. Рыжани Ксенофонтиса Т.	6
На лодке. Рассказ Григорьева Н. Рыжани Ксенофонтиса Т.	10
Оливки заботы. Рассказ Меркуловой К. Рыжани Жукова В.	15
Селенду. Стихотворение Раткина В. Рыжани Кустова Н.	20
Кёрюшка. Рассказ Крижалецкой Е. Рыжани Подлаской Л.	21
Рыба. Рассказ Гладильной М. Рыжани Ветровского В.	38
Как меня состарилась. Стихотворение Сидорова Н. Рыжани Петровой Н.	45
Зонтик. Рассказ Акулиной Р. Рыжани Петровой Н.	47
Лесные стихи. Стихи Погорельского С. Рыжани Вальтер Н.	56
Лосенок. Стихотворение Высоцкого К. Рыжани Рыжани Н.	62
Два петушка. Басня Кабановой В. Рыжани Костромой А.	65
Первоклассница. Рассказ Дубальской М. Рыжани Беленькой О.	66
Дружба. Стихотворение Василия Г. Рыжани Беленькой О.	70
Наш лесок. Стихотворение Прохорова А. Рыжани Кустова Н.	72
Сморчок. Стихотворение Прохорова А. Рыжани Кустова Н.	73
Стебельки и корешок. Стихотворение Соловьевой М. Рыжани Костромой Н.	74
Грибы. Стихи Лапина В. Рыжани Беленькой О.	78
Песочная страна. Стихотворение Дамитурской Н. Рыжани Бе- ленькой О.	82

Нива. Стихотворение Усановой А. Рисунки Босановской О.	83
Конь. Стихотворение Усановой А. Рисунки Фарсовой В.	84
Цветы. Стихи Серовой Е. Рисунки Басмановой Н.	85
„Ага“ и „угу“. Стихотворение Казурал Б. Рисунки Фарсовой В. . .	88
Чудо-дерево. Рисунки Гринберг Н. Рисунки Выгодской Э.	90
Загадки. Загадки Поляковой Н. Рисунки Кривоной Н.	100
Жаба и Землеройка. Стихи Выгодской Э. Рисунки Кривоной А. . .	102
Курица, Пёс и Кошка. Стихи Выгодской Э. Рисунки Кривоной А. . .	105
Шапка и туфли. Стихи Лодка Н. Рисунки Кривоной А.	108
Кот Котофейчик. Стихотворение Серовой Е. Рисунки Васнецова Ю. . .	111
Алётка. Стихи Кривоной Э. Рисунки Фарсовой В.	115
Лавоточка. Стихи Зытковой О. Рисунки Фарсовой В.	121
Загадки. Загадки Поляковой А. Рисунки Ветраховской В.	128
Лужица лужа. Стихи-были Жестина М. Рисунки Петровой Н. . .	130
Подделки-самodelки. Текст Коркина В. Рисунки Сивинки К. . .	134

300-

6-10-18-19

